

цикл «Последняя смена»

РАУНД НАВЫЛЕТ

18+

ГАТИНА ЗАРИНА

Гатина Зарина

Раунд навылет

«Автор»

2026

Зарина Г.

Раунд навывлет / Г. Зарина — «Автор», 2026

АНЯ ЖДАНОВА Просто не чувствуй. Это я пообещала себе, когда узнала, что близкая подруга из летнего лагеря погибла. Один телефонный звонок возвратил меня в прошлое — к последней смене, разрушенной дружбе «Бабсовета» и нахальному кудрявому парню в очках. Пять лет мы были соперниками, но начали сближаться и узнавать тайны друг друга, пока одна ссора всё не оборвала. Я не хотела видеть его снова, но он вернулся в мою жизнь вместе с воспоминаниями, болью и борьбой с собственным телом, которую я не имею права проиграть. **МИША НЕСТЕРОВ** Моя жизнь похожа на побитую матрицу: три работы, учёба и одержимость перейти на бюджет, чтобы перестать зависеть от отца, которого я ненавижу. Когда до цели остался один шаг, всё меняется — возвращается девушка, в которую я когда-то влюбился и которой разбил сердце. Теперь мне нужно найти формулу, которая поможет вернуть её доверие и наконец выбраться из бесконечной тревоги за будущее.

© Зарина Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Обращение писательницы	5
Посвящение	6
Глава 1. Встреча на похоронах	7
Глава 2. Вынужденное молчание	11
Глава 3. Чемоданы и злые шутки случайности	15
Глава 4. Темнота и пропущенные звонки	22
Глава 5. Снежный ком	26
Глава 6. Пара напряжения	33
Глава 7. Сыграешь со мной?	39
Глава 8. Хочу уснуть навсегда	47
Глава 9. Страшные цифры	53
Глава 10. Не подходи ко мне	60
Глава 11. Счастливые случайности	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гатина Зарина

Раунд навывлет

Обращение писательницы

Привет, мой будущий читатель! Ты открыл «Раунд навывлет» — это первая книга цикла «Последняя смена». Всего тебя ждёт пять частей, их стоит читать по порядку — каждая книга посвящена одной паре, однако через весь цикл проходит единый детективный и событийный сюжет. История пары развернётся к финалу, но у тебя останутся вопросы, которые раскроются в последующих частях.

Это любовный роман, но в центре далеко не любовь. Перед тобой история проживания горя, борьбы со своим телом и с прошлыми обидами, которые забирают силы.

Поэтому, ознакомься перед чтением с темами, которые могут тебя расстроить. Если не любишь спойлеры и не боишься триггеров, пролистни:

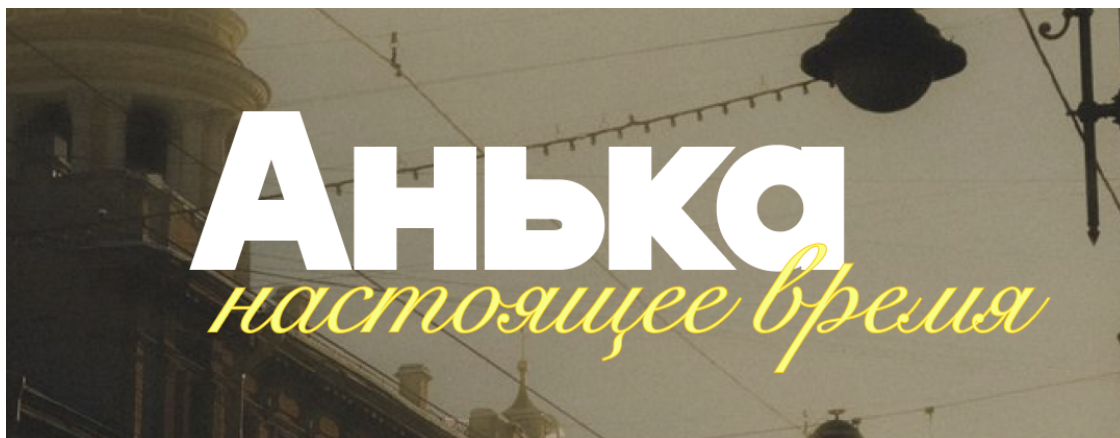
- расстройство пищевого поведения и булимия; сцены очищения желудка; потеря близких; груминг со стороны взрослого.

Если хочешь узнать больше подробностей о моих книгах, получать бонусные сцены и контент и быть в курсе новостей, вступай в мой телеграм-канал: https://t.me/luchizari_author

Посвящение

Посвящаю эту книгу всем, чья голова стала их собственным врагом и начала пожирать изнутри. Помните, вы сильнее, чем ваша тревога — за любой зимой наступает весна, которая вас возродит.

Глава 1. Встреча на похоронах

Почему никто не говорил, что в марте кладбище выглядит как залитая слезами свалка? Слякоть, лужи длиною в метры, горки окурков рядом с оградой могил, оставленные пьяницами бутылки — всё, что прятал февраль под сугробами, бесстыдно вылезло наружу.

Я ненавижу жизнь за то, что мне приходится это видеть.

Я ненавижу жизнь за то, что я здесь оказалась.

Я состою из разных оттенков ненависти.

Толпа, по ощущениям человек в сто, разделилась у ворот кладбища в небольшие группы. Я не могла разобрать их лица. Всё, что видела, — это чужие покрасневшие глаза и трясущиеся руки, старавшиеся поймать горечь слёз.

Вышли работники кладбища. Значит, совсем скоро вынесут её тело.

Даже в мыслях я не могла назвать её по имени. Потому что если произнесу, мне придётся согласиться с тем, что она мертва и больше не вернется.

Толпа зашевелилась, справа от меня раздался громкий раскат плача. Четверо мужчин вынесли на деревянных носилках тело, завернутое в белую простыню.

Со стороны оно казалось таким маленьким, крохотным, хрупким... Как будто это тело никогда и не жило, не дышало, не обнимало меня ночами, не писало мне сообщения каждое утро.

Боль затопила горло, захотелось её сплюнуть.

Не смотри.

Просто не смотри.

Но как не смотреть, когда её тело положили перед нами как на сцену, а солнце, как софит, прожигало белую ткань светом? Контраст между грязными мартовскими лужами и чистым свертком с моей мёртвой подругой не оставлял шанса проигнорировать, зачем мы все сюда приехали.

Терпи.

Соберись.

Другим тяжелее.

Взгляды всех собравшихся устремились на носилки с телом. Плач и разговоры утихли, как будто вышедшему за носилками священнослужителю дали микрофон и он уверенно постукивал по нему, чтобы замолчали даже те, кто на камчатке.

Священнослужитель сделал шаг вперед, чуть закрывая тело, и начал церемонию прощения. Я старалась разобрать, что он говорит, но внимание рассеялось после первых двух слов. Меня почти вырвало прямо под ноги, но я сдержалась и не позволяла себе лить слёзы.

*Помни, Ань, другим сейчас тяжелее.
Не смей устраивать сцены.*

Раздалась незнакомая мне молитва, и с ней же усилился плач тёти Гули, мамы моей подруги. Я заставила себя взглянуть на неё — и вместо здоровой женщины сорока девяти лет увидела ещё одно тело, которое пока не умерло, но уже готово позвонить смерти и заказать до неё билет. Воспаленные от слёз глаза, осунувшиеся щеки, дрожащие от горя губы... Кажется, ветер подует и собьет тётю Гулю с ног.

Рядом стоял муж и держал её под руку. В отличие от тёти Гули, которая раскрыла душу нараспашку, на его лице нельзя было прочесть ни единой эмоции. Как ни странно, это пугало ещё сильнее: отец подруги напомнил мне монстров из моих кошмаров, которые на первый взгляд выглядят как люди, но когда начинаешь с ними говорить, замечаешь пустоту на месте лица.

В двух шагах от супругов замерла бабушка, строго глядя на дочку.

— Гульфия, прекрати сейчас же, ты же знаешь, что нельзя так плакать, могила зальётся, — громко прошептала она. Этот аргумент не сработал — тётя Гуля взвыла ещё сильнее, перебивая голос слугителя.

У меня разрывалось сердце. Я хотела вытащить его из своей груди на время похорон, чтобы оно перестало чувствовать, перестало приносить мне физическую боль. Я посмотрела на часы: почти час, как мы приехали сюда, а по ощущениям стоим тут уже месяц.

Потерпи. Скоро всё кончится.

Молитва утихла, и люди начали становиться в очередь, чтобы попрощаться и проводить мою подругу в новый мир. Из моих легких словно высосали весь кислород, небо начало давить, а ноги за секунду забыли, как держать опору.

Нет. Нет, нет, нет, нет. Я не пойду туда, я не пойду к ней. Я не хочу это видеть.

Стоявшая со мной Ралина уже готовилась подойти к телу, как я резко схватила её за руку. Но слова не выходили из моего рта, как бы я ни пыталась их произнести.

Что со мной происходит, я не понимаю.

— Ань, ты чего? Тебе плохо? Дать воды? — спросила Ралина с явной тревогой в голосе и начала свободной рукой искать бутылку в своей огромной сумке.

Ралина была в нашей компании крестной феей. У неё всегда оказывались под рукой запасные прокладки, обезболивающие, пауэрбанк для тех, у кого в самый важный момент разрядился телефон. Она всего на три года старше, но по ощущениям нас разделяли поколения опыта и зрелости. Весь её облик с тёплыми зелёными глазами и длинными чёрными волосами вызывал ощущение, будто ты в безопасности: Ралина была воплощением слова «забота».

— Не хочу к ней идти... — произнесла я, как только смогла выдавить из себя хотя бы что-то.

— Почему, Ань? Давай пойдем вместе, я подержу тебя за руку. Всё-таки прощание, в последний раз её видим, важно сходить. — Ралина крепче сжала мою ладонь.

— Не могу. Не хочу это видеть. Ты иди, я у выхода подожду. — Я развернулась и пошла в сторону калиток, не оглядываясь на Ралину, чтобы она не успела меня отговорить. А ещё я боялась увидеть в её глазах осуждение — за то, что не могу даже здесь собраться, пересилить себя и проявить последний жест любви к нашей общей подруге...

Как только я вышла за территорию кладбища, стало тихо. Звук моего неровного дыхания перебил тишину. Мне так стыдно, что я убежала, как последний трус. Не попрощалась, не кинула горстку земли на могилу, не проводила её...

В последний раз, когда мы созванивались по телефону, она была такой радостной... Её пригласили на стажировку в крупную компанию на позицию дизайнера, как она всегда и мечтала. В её глазах было столько жизни, столько надежды, столько устремлённости в будущее... Я хотела запомнить это лицо, а не то, которое накрыли белой простыней.

Она никогда не носила белый цвет.

Никогда.

Трое суток провела как в тумане, просыпалась только для того, чтобы выпить бульон и сходить в туалет. Остальные часы проводила во тьме под успокоительными.

На поминках стол ломился от еды, гости уселись за него и принялись нагребать себе полные тарелки.

— Кызым¹, наложить тебе салат? Или треугольники, что хочешь? — предложила старушка, сидевшая рядом со мной.

— Нет, спасибо, я не голодная. — Ложь, мой живот уже начинал поедать сам себя, но кусок в горло не лез.

— Да что ты такое говоришь! Мы же с утра на ногах, давай хотя бы бутерброды тебе положу, поешь! — Не дожидаясь ответа, она наполнила мою тарелку закусками.

Вокруг меня зазвенели ложки, поплыли очень громкие разговоры. Вспоминали истории о том, какой хорошей она была девочкой, как в детстве под этим столом пряталась на всех праздниках, как в пятом классе не давала спать по утрам, когда училась играть на скрипке.

Я гоняла еду по тарелке, ни крошки не отправляя в рот. Не могла заставить себя сделать укус, хотя живот продолжал предательски ныть от пустоты.

Пробовала засунуть хотя бы бутерброд с икрой, но он тут же вывалился изо рта. Пыталась зажевать, но каждое движение челюстью высасывало и так истощенные силы. На губах оставался солоноватый вкус: то ли от икры, то ли от стекающих по щекам слёз.

Быстро взяла салфетку, чтобы незаметно их промокнуть.

— Анька, расскажи, как там в Питере университетская жизнь? — В первые пять секунд я даже не поняла, что обращаются ко мне. Алия, тётя погибшей, смотрела на меня в ожидании ответа.

— Нормально. Учусь, на факультатив по международному бизнесу записалась, сегодня должен был начаться как раз, — пустые разговоры сдерживают нас от того, чтобы лечь на пол и зарыдать на весь дом.

— Умница. И на бюджете ведь ты, да? Такой подарок родителям сделала, камень с плеч сняла! Нравится хоть?

Да, я поступила на бюджет, хотя родители могли оплатить сразу все пять лет обучения и даже не заметить эту трату. У папы свой строительный бизнес, мама — известный в Казани фитнес-блогер с большими пиар-контрактами, а я в семье одна — поэтому делить с кем-то их любовь и внимание мне не приходилось.

Для меня это было дело принципа — на отлично сдать ЕГЭ и выгрызть себе место на бюджете, чтобы выйти из тени во всем реализовавшихся родителей. Вы не думайте, я не жалею: полная семья, молодые мама и папа, которые все ещё любят друг друга... Именно поэтому я не могла подвести их и спустить ещё несколько миллионов на свое образование.

Поступила я на социолога и ещё ни разу не пожалела, что выбрала эту специальность. С самого детства я фанатела от изучения общества: захлеб читала Карамзина, ходила на философский кружок в школе и выиграла несколько локальных олимпиад, которые прибавили мне баллов к общему зачету.

Учёба в универе давалась легко, да и Питер из года в год путешествовал по моим доскам желаний. В первые два месяца, правда, я плакала по ночам и скучала по близким и по дому, но студенческая жизнь завертела в свой круговорот событий. Я нашла друзей, вступила в клуб «Что? Где? Когда?», и ежевечерние разговоры с подругами превратились в ежемесячные, а потом и вовсе сошли на нет.

¹ Кызым (татар.) - дочка, девочка моя

Как жаль, что с ней не говорили каждый день.

Если бы я только знала, что наше время подойдет к концу так быстро...

Тарелка осталась почти нетронутой. Гости начали расходиться.

До моего обратного вылета осталось шесть часов, а ещё надо заехать домой за вещами и сумкой. Уже потянулась за своей курткой, как меня остановила её мама. Я посмотрела в красные глаза, но сразу отвела взгляд, чтобы меня не накрыло волной чужой горечи.

— Ань, подожди, возьми это на память, — она протянула шкатулку. — Это ваши лагерные украшения, она привозила их каждый год со смен... Хотя что-то пусть останется от неё, частичка, всё-таки вы все как сестры ей были. Подружкам, кто не приехал, передай.

— Спасибо, тётя Гуля, обязательно.

Она не знала, что наша компания раскололась ещё до катастрофы, и с некоторыми я не говорила уже второй год. Когда-то мы договорились быть друг с другом до конца — вместе найти женихов, родить детей-одногодок, а на пенсии ездить в Египет и кадрить зарубежных дедуль-иностранцев. Сердце защемило от воспоминаний, хотя у него уже не осталось сил болеть на сегодня.

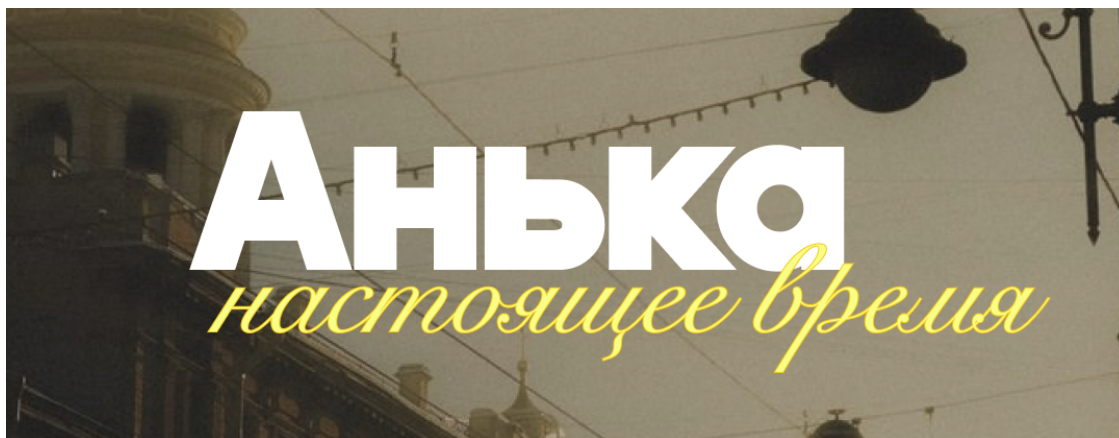
Я засунула шкатулку в сумку, поглубже, на самое дно, чтобы забыть о ней до приезда в Питер.

Всплыло уведомление: таксист ждет у ворот. Как только я села в машину, то почувствовала, будто с меня разгрузили десять мешков с кирпичами. Находиться в этом городе, в её доме, рядом с людьми, которых я знаю только благодаря ей, было невыносимо.

Не думай, Ань.

Просто не думай пока.

Глава 2. Вынужденное молчание

Дома стояла непривычная тишина. Хотя, если честно, я надеялась, что у папы нарисовалось неожиданное собрание, а маму пригласили на съёмки, потому что не готова была принимать чужую заботу. Когда я сообщила им о срочном возвращении в Казань, родители чуть с ума не сошли от тревоги: примчались в аэропорт, ждали меня у входа, а затем всю дорогу душили вопросами о самочувствии и настроении.

Устало поплелась к своей комнате, чтобы забрать вещи и сразу уехать в зону ожидания. Спальня застыла в моих тинейджерских годах: большая круглая кровать с ярко-фиолетовым покрывалом и кучей разноцветных подушек, у одной стены зеркало в полный рост, а остальные стены пестрят постерами и винтажными плакатами, за которыми я охотилась на Авито и в секундах.

Рядом с кроватью стоял тёмно-зеленый виниловый проигрыватель. Мне подарили его на пятнадцатый день рождения, и с тех пор я освободила друзей от выбора подарка на все праздники.

Винил. Всегда винил.

Огромная полка, забитая раритетными пластинками: самые любимые я увезла в Питер, но даже без них коллекция была внушительная.

«Кино», «Зоопарк», «Король и Шут», «Чернозем», БГ... И любимый «Наутилус», чьи песни выводили меня за руку из самых тёмных периодов жизни: первое расставание, первая проигранная олимпиада, первый приступ ненависти к своей внешности и к своей жизни. Только не думаю, что сейчас он справится.

— Анька, ух, ты испугала меня! Не слышала, как ты пришла, — мама вскочила и подбежала обнять меня. — Ты как, Нюш, как все прошло?

Она смотрела на меня с жалостью. В её глазах пряталось желание взять меня на руки, как в младенчестве, и не отпускать от своей груди неделю. Только мама знала, что я уже не тот клубочек нежности, который чуть что бежал к ней за поддержкой. После поступления в вуз я всячески давала понять, что справляюсь сама. И даже это переживу.

— Мам, самолёт через три часа, а завтра важная пара, и я не хочу пропустить полёт. Вызову такси сейчас, в аэропорту подожду, задания сделаю, — пропустив её вопрос, я начала собирать оставшиеся вещи.

— Нюш, какое такси! Я тебя отвезу. Все встречи всё равно отменила.

Я не стала с ней спорить, потому что из этого боя я никогда не выходила победителем. Если мама что-то решила, то её невозможно остановить — она неслась к цели, игнорируя крики, критику, здравый смысл и даже... физические возможности. Слабые люди не станови-

лись лучшими тренерами республики — а очередь на индивидуальное ведение к маме выстраивалась даже за пределами нашего города. Она воин, сталь, дисциплина. Была бы у меня хотя бы капля её устойчивости, то я бы сейчас не собирала себя по осколкам.

Стоп. Не иди туда.

Мы забрались в мамин огромный синий гелендваген — я села на заднее сиденье, чтобы между нами остался хотя бы какой-то барьер. Мама грустно посмотрела на меня в зеркало заднего вида: её зелёные глаза пытались найти брешь в стене, которую я возвела между нами.

Прошло десять минут. Путь до аэропорта занимал обычно час, поэтому нужно было выдержать ещё пятьдесят. Я не любила тишину, поэтому заполняла её музыкой. Мама не любила тишину, поэтому заполняла её вопросами.

Мой живот издал рык.

— Нюш, ты голодная?

— Поела, но немного, — соврала я. Я не хотела обсуждать с мамой свое питание, потому что...

— Милая, нельзя делать такие перерывы в еде, это калечит твоё здоровье!.. — вот поэтому.

Расти с мамой, которая в сорок пять лет выглядит как модель с обёртки протеиновых батончиков — значит не иметь дома белого хлеба, прятать сухарики под кроватью, следить за потреблением белка и количеством сахара. Нет, мама никогда не заставляла меня питаться по её правилам, но всё равно не всегда удерживалась от комментариев и советов.

— Я поем в аэропорту.

— Только не сухомятку опять, а нормально поешь, мясное что-нибудь возьми. Твоему организму нужны силы, Нюш.

Я кивнула и прислонилась виском к окну. Город уже спускался в темноту, постепенно накрывая одеялом спальные районы. Я люблю Казань, она все ещё держит в зубах почетное звание дома. Когда я поступила в северную столицу, то расплакалась от счастья: новая я, новая история, новый волшебный город с разводными мостами, белыми ночами и Эрмитажем по соседству! Родители сразу купили мне небольшую квартиру на Петроградке, чтобы я не ютилась в общежитии, хоть я и выступала против такого дорогого вложения. Я полюбила Питер, но пока держала его на расстоянии вытянутой руки, приближалась к нему осторожно, почти на цыпочках.

Только теперь в Казани остались не только тёплые воспоминания, разговоры до утра, дни рождения и первые свидания. В ней лежало тело подруги — и так будет до конца моих дней. Не уверена, что смогу вернуться сюда в ближайший год.

— Нюш, мы с папой приедем к тебе через месяц, когда они сдадут проект. Может, всё-таки пока мы не приехали, походишь к Галине? — Как только мама узнала, что произошло, то тут же нашла психолога, который специализируется на потере близких. Говорю же, мама живет в режиме мобилизации. Решить, исправить, спасти — человек-глагол.

— Мам, не надо, всё нормально, — ложь. — Проревусь и приду в себя, — ещё одна ложь. — Я справлюсь сама, и у меня всё равно сейчас забито расписание перед летней сессией.

— Ну смотри... Если станет хуже, прошу тебя, не молчи, не скрывай. Я очень сильно переживаю за тебя, Нюш.

Мы медленно подъехали к парковке у аэропорта, и я вздохнула с облегчением. Мне нужно побыть одной, мне нужна тишина — и нужен перерыв от вопросов.

Мама сжала меня в объятиях и не отпускала минут пять. Её близость на секунду сорвала защиту, и я уже даже готова была заплакать на её плече, но тут же опомнилась и отстранилась. Выдавила из себя улыбку на прощание и направилась к стойке регистрации.

— Нюш, эта боль пройдет.

В первый раз в жизни я не поверила маме.

Я быстро прошла регистрацию, получила посадочный талон, прошла контроль. Из-за голода я двигалась на автопилоте, но зато ноющий живот отвлекал внимание от болезненных воспоминаний. Дошла до своего гейта, не зная, куда дальше себя деть: я понимала, что нужно последовать совету мамы и поест, но мысль об этом вызывала тошноту.

Сторговалась с собой хотя бы на йогурт, чтобы утолить голод в самолёте.

В маленьком магазинчике, где втридорога продавали снеки и пирожки, на меня смотрела запрещенка: все то, что я старалась не есть, чтобы оставаться в форме и не отекать, как поросяенок, наутро.

Не заметила, как вместе с йогуртом взяла чипсы, сухарики, мармелад, оплатила и положила в сумку. Села у окна — через него на меня смотрели взлетающие самолёты и полная луна, гордо висевшая над крыльями воздушных судов.

Скорее бы вернуться в Питер и захлебнуться в учёбе: я не выдержу ещё один день с мыслями о том, сколько значимых моментов у меня украли смерть.

Объявили посадку, и я растворилась в толпе. У меня была одна нездоровая привычка: перед каждым полётом я всматривалась в лица пассажиров и запоминала их черты на случай, если именно с ними мне придётся разделить последний день жизни.

Ребёнок спит у мамы на руках; группа подруг за пятьдесят обсуждает, в какой театр пойдут завтра; парень с огромным туристическим рюкзаком явно планирует открыть сезон походов; а впереди меня, обнявшись, стоит пара, которая, наверное, выбрала Питер для свадебного путешествия.

Что они думают про меня? Девушка с пустыми карими глазами, пучком русых волос, в помятой толстовке и серой куртке. Мышка, которую поймали в медвежью ловушку — где боль в тысячу раз интенсивнее, чем она может вынести.

Слабая.

Мне повезло — место рядом со мной осталось свободным. Вселенная сжалась надо мной и подарила одиночество. Я прижалась лбом к иллюминатору и попыталась уснуть. Но сон, конечно же, не шёл.

Я потянулась к сумке, чтобы найти на айпаде скачанный к завтрашней паре конспект. Только вместо этого в глаза бросился пакет со шкатулкой, которую на прощание отдала мне тётя Гуля.

Не открывай. Не сейчас.

Но я уже начала разворачивать сверток и наконец достала радужную шкатулку размером с два моих кулачка. Вся облепленная наклейками, рюшками, пуговками, вещь кричала о том, кому принадлежала. Посередине разноцветными фломастерами надпись «ИЛЬХАМ»² — название лагеря, в котором мы и познакомились.

Где-то минуту покрутив сокровищницу в руках, я открыла ее.

Фенечки. 2011 год — второй год нашей дружбы. Тогда нас заселили в одну комнату, хоть мы и были в разных отрядах. В ту же комнату попали остальные девочки из нашей легендарной компании. В последний день перед отъездом домой она вручила нам собственноручно сплетенные браслеты — каждой особенный, в память о ней.

Значок в виде огонька. 2013 год. Его она получила за активность на смене — прыгала до потолка от счастья.

Записка со штампом-поцелуйчиком. 2014 год. Тогда она впервые влюбилась в мальчика из старшего отряда и всю смену пыталась ему признаться. Написала письмо, но так и не отдала, хотя мы всей комнатой уговаривали ее это сделать.

² Ильхам (татар). — вдохновение

Слезы потекли по щекам, закапали на бумагу. Пальцы задрожали, судорожно поднялась грудная клетка.

Колечки с камушками. 2015 год. Их она подарила нам в честь пятилетия дружбы. Мы тогда даже пробрались в заброшенный корпус ночью и отметили важную дату гаданиями.

Вместе со слезами вырвался стон. Пассажиры в соседнем ряду оглянулись на меня, но я не могла сдержать себя. Боль затопила все тело, в нем больше не осталось места, чтобы хранить горе, оно начало выливаться наружу.

Полароид. 2017 год. Общая фотография с последней смены, когда наша компания ещё не развалилась. Мы стоим на фоне сосен, обнимаемся и корчим рожи, ещё не зная, что эта смена все изменит.

Меня затрясло.

Я схватила себя за шею обеими руками, чтобы хоть как-то остановить прорвавшиеся через внутреннюю плотину эмоции.

Трясущимися пальцами едва смогла закрыть шкатулку, убрала ее обратно в пакет, чтобы спрятать в сумке, из которой на меня смотрели чипсы и сухарики, купленные перед вылетом.

Еле переводя дыхание между раскатами плача, я открыла пачку чипсов и запихнула в себя целую горсть, почти не тратя время на пережевывание.

Вторую. Третью. Дрянь смешалась со слезами во рту.

За первой пачкой пошла вторая. Живот после тридцати часов пустоты явно не был готов принять столько еды за раз — надулся ещё сильнее. Игнорируя дискомфорт, я продолжила есть мармеладки — ударную дозу сахара, которую в обычные дни себе никогда не позволяла.

У меня украли будущее с тобой, о котором мы мечтали всё детство.

Плач, хруст, шуршание пластика.

Я не готова жить в мире, где не могу позвонить тебе, обнять тебя, спросить у тебя совета.

Прошу стюардессу принести ещё две пачки чипсов, боль в животе становится сильнее, пальцы блестят от жира и воняют специями. Отвратительно. Но я не могу остановиться.

Вернись.

Вернись ко мне.

Вытираю сопли рукой, даже не пытаюсь нащупать салфетку, размазываю колючие крошки по лицу.

Вернись.

Я не смогу без твоего голоса.

Глава 3. Чемоданы и злые шутки случайности

— Ты у кого в отряде? — Эльвина пыталась протиснуться ко мне через толпу других подростков, которые так же, как и мы, хотели узнать ответ на этот вопрос.

Каждый год — лотерея, где нам с девчонками надо выиграть две позиции.

Первое — попасть к нормальным вожатым.

Второе — всем оказаться в одном отряде.

К слову, мы ещё ни разу не забирали приз. Все в «Ильхаме» знали, что Бабсовет нельзя держать в одном отряде, иначе случится ядерная атака и вожатые уедут до окончания смены.

Когда мы собирались вместе, нас было не заткнуть: мы заполняли собой пространство. Нас было шестеро — я; Эльвина, которая уже приехала на точку сбора и стояла рядом; Мила и Алёна, как всегда опаздывающие, потому что мчались из другого города. Ещё — Альбишка, которую мы называли «заведующей», потому что она — дочка начальника лагеря, и Ралина, которая в этом году впервые приехала сюда в роли вожатой.

Каждый год я считала дни до июля, потому что в этот месяц мы встречались в одном месте и проживали настоящий аттракцион, который потом вспоминали всю осень и зиму.

— Эл, ты у Сафиуллина с Ралиной! Вместе с Милой, — я продолжила искать знакомые имена в списках других отрядов.

Хоть бы не с Мишей, хоть бы не с Мишей.

Я пробежала глазами листы на стене.

— Ань, я нашла тебя. Но ты лучше не смотри, тебе не понравится, — Эл засмеялась, зная, что единственный человек, с которым я не хочу быть в одном отряде, по злой шутке случайности, конечно же, оказался со мной в списке. — Ты, Альбиша и Алёна в одном отряде, с вами Миша и Ринат. Я уже жду, как ты будешь ночью в нашей комнате придумывать способы его убить!

— Молчи, а, — я со смехом ткнула подругу в плечо, покраснев даже от мысли, что нас услышит кто-то из его шайки и передаст, как я «рада» быть с ним в одном отряде.

Миша Нестеров танцевал чечетку у меня на нервах с первого дня знакомства. Поначалу он казался спокойным и сдержанным. Идеальный жених, по мнению мам, чей-то будущий муж и программист: каштановые кудрявые волосы, квадратные очки в коричневой оправе и оверсайз рубашки разных цветов.

Естественно, когда я увидела его на первом собрании клуба знатоков, он зацепил меня внешне — но ровно до момента, пока не открыл рот и не начал вставлять свои умные замечания в общий разговор. Мы были в одной интеллектуальной команде «Ч. Г. К.», и каждый год вожатые совершали рокировку: то я капитан, то он. Даже здесь мне не доверяли лидерство,

хотя я прекрасно справлялась с такой ответственностью и легко показывала соперникам, кто здесь главный.

Мы ещё ни разу не были с Мишей в одном отряде, и я не заказывала получать такой опыт в последнюю смену перед выпуском и переездом.

— Я попрошусь перевестись к вам, — уверенно произнесла я, пока чьи-то большие ладони не закрыли мне пол-лица и не прижали к себе. В попытках вырваться я ощутила запах сигарет, смешанный со специями. Этот аромат повсюду сопровождает Рината уже лет пять. Откуда я знаю? Да потому что он обливался духами с головы до ног, чтобы взрослые не слышали вонь табака! Запах врвался в комнату быстрее, чем наш легендарный светло-рыжий татарин.

— Ринат, ещё раз ты тронешь мои волосы, я отрежу тебе руки и отправлю их твоим родителям в коробке! — зашипела я, срывая его пальцы со своего лица и поворачиваясь, чтобы озвучить это сообщение прямо абоненту в глаза.

— Хорошо, только разреши мне выбрать цвет подарочной упаковки, — он улыбнулся и обнял меня. Я не могла злиться на Рината слишком долго. Он был как нашкодивший котенок с милой мордашкой: да, нагадил в углу, но уже прижался к твоей ножке и замурчал, чтобы ты не злилась.

— Мне уже передали, что половина Бабсовета со мной в отряде, — Ринат победно вскинул руки вверх. — В этом году я был хорошим мальчиком, слушался маму, вот Дедушка Мороз и прислал мне подарок летом!

— Все мы знаем, какой подарок ты заказывал, — прервал кто-то его восторженные возгласы.

Дамы и господа, знакомьтесь, человек, из-за которого я уеду не в Питер, а на нары отбывать срок за убийство — Миша Нестеров. Он встал с нами в круг и потянулся обнять Эльвину.

— Да, Миш, я очень конкретен в своих желаниях: невысокая блондинка с голубыми глазами и с формами... — начал было Ринат.

— Вы про кого? — раздался низкий женский голос.

А вот и они — та самая невысокая блондинка и ее высокая рыжая кудрявая лучшая подруга: Алёна и Мила. Они учились в одном классе и жили в часе езды от Казани, поэтому с ними мы виделись реже, чем с остальными девчонками.

Ринат покраснел и отвел глаза от Алёны — как будто никто не знает об их симпатии, взаимной, между прочим! *Весь* лагерь понимал, что они нравятся друг другу, но им, видимо, больше по душе было играть в догонялки и целоваться за главным корпусом, пока никто не видит. От полноценных отношений их удерживало только расстояние, но в следующем году они оба поступают в Казань.

— Эл в жизни выглядит даже ярче, чем на фото, — отметила Алёна. Эл каждый год меняла цвет волос, и этим летом ее выбор упал на ярко-синий.

— Ты уже собрала все цвета? — Миша ворвался в разговор, поднимая свой кубик Рубика. Он постоянно крутил его в руках, в любую свободную минуту перебирал комбинации. Даже этой привычкой он заявлял всем, что он в комнате самый умный, а мы все в сравнении с ним пятиклашки с последней парты. Ух, и как мне выжить с ним в одном отряде?..

Появился повод посмотреть на него. Одетый в зелёную рубашку и потертые джинсовые шорты, с рюкзаком на плече, он дружелюбно смотрел на Эл. Кажется, она ему нравится. Эта мысль кольнула меня в живот, но я не стала в нее нырять: нет мне дела до того, кто кому нравится. Свой последний год в лагере я посвящу девочкам, а если кто-то из них решит завязать с Мишей отношения — пусть, я поддержу все их решения, неважно, победой или провалом они обернутся.

За год Нестеров вырос и окреп. Его все ещё нельзя назвать огромным, но в одиннадцатом классе он явно успевал тренироваться, а не только решать пробники и бегать по репетиторам.

Мне тут же стало тесно в своей одежде: за год подготовки к ЕГЭ я поправилась, и это было сильно заметно по тугости моих джинс. Они облепили мои бёдра и сковывали движения, но я всё равно не стала покупать новые. Держалась за букву «М» на ярлычке, как за последнее достоинство.

— Дамы и Миша, внимание! В этом году я сердечно обещаю испробовать за последнюю смену все виды удовольствия. Кто хочет записаться волонтером, оставляйте свои заявки. Тебе, ты знаешь, без очереди, — Ринат подмигнул Алёне, на что она закатила глаза и демонстративно отвернулась к Миле, которая за все это время не проронила ни слова.

— О господи, это будут самые мучительные дни в моей жизни, девочки, — произнесла я, на что тут же получила ухмылку Рината и холодный взгляд Нестерова. — Там уже начали рассаживаться по автобусам, пойдёмте.

Не в силах больше оставаться рядом с Мишей и выносить его высокомерную мину, я взяла чемодан и направилась к месту общего сбора. В ряд стояли старые красные автобусы, которые каждый год мчались по трассе, чтобы довезти нас до летней базы и до нашей маленькой галактики, где каждый день ощущался как один месяц — по интенсивности переживаний и чувств.

Айдар, старший брат нашей Альбишки и по совместительству помощник начальника базы, распределял отряды по местам и пытался убрать бардак, который устроили взволнованные подростки. Ралина рядом с ним раздавала пассажирам воду в дорогу.

— Анька, иди сюда! — позвала Альбишка, высунув из окна милое личико в ореоле золотых кудрей.

Эта девочка действовала на меня как ромашковый чай — всего несколько минут разговора с ней отбивали у меня желание откусить кому-то нос. На Альбишке были желтая футболка с огромным красным мухомором, розовая панамка и сережки-кактусы. Образ будто сняли с первоклашки, но Альбишка коллекционировала и носила странные вещи с гордо поднятой головой: на ней даже мусорный пакет смотрелся бы как новая футболка GUCCI.

— Чур, я у окна, — улыбнувшись, я положила чемодан в багажный отсек, поднялась в пыльный автобус и плюхнулась прямо рядом с подругой.

— Полчаса я, потом ты. Договор? — Альбина встала, чтобы уступить мне место.

— Договор, — я уселась у окна и свысока смотрела на подходящих к автобусу подростков.

Последняя смена... Будь самой лучшей.

Сосны сменяли друг друга за грязным автобусным стеклом. Включила «Одинокую птицу» любимого «Наутилуса» и смотрела в окно, понимая: я в последний раз проезжаю этот часовой путь — между прошлой мной и лучшими днями жизни в компании самых близких людей.

Вот он — настоящий оксюморон: грусть в моей груди поставила палатку, разожгла костер и подготовила маршмэллоу, а счастье украсило все фонарями, включило музыку и сказала всем танцевать.

Я потянулась к руке Альбишки, которая забыла про наш уговор и уснула уже на половине пути. Сжала ладонь сильнее, на что она испуганно вздрогнула. Еле сдержала смех, потому что на ее лбу мгновенно высветилась бегущая строка «Что здесь происходит?».

— Мы приехали, что ли? Который час? — Она разблокировала телефон — на заставке была фотография Бабсовета с прошлого лета.

— Да не приехали мы ещё. Мне стало скучно, а ты спишь — поговори со мной. После отбоя напишись.

— Как будто вы дадите мне спать после отбоя, особенно в первый день. — Тут она меня поймала: после отбоя мы начинали марафон разговоров до утра, пока вожатые не поймают и не заставят спать.

— Твои ставки, что произойдет на этой смене?

— Ну, учитывая, что Ринат и Алёна в одном отряде с нами, то мы будем наблюдать за их догонялками... Эл опять всю смену проведет в печали от неразделенной любви к Ису, Ралина будет вечно тревожиться, что недостаточно хорошая вожатая, Мила проведет всю смену за книгами, а ты будешь воевать с М...

— Молчи, — я закрыла ей рот руками.

— Вот что он тебе так не нравится, а? Со мной он всегда дружелюбный, я бы хотела, чтобы мы познакомились ближе.

— Ну знакомься, Альбин, я тебе разве мешаю? У нас с ним не складывалось общение — и не сложится и теперь, если только его не подменили инопланетяне и не подложили нам улучшенную версию. В чем я очень сомневаюсь.

— Знаешь, как можно проверить? — зашевелила бровями она.

— Как?

— Попросить поднять футболку, например, — её уголки губ почти поднялись к мочкам ушей.

— Зачем просить! Он и так утро начинает с облизывания себя в зеркале, спорим?

Я не успела договорить, как раскатистый смех Альбишки раздался на весь автобус и наша парочка приковала взгляды всех собравшихся. Мила с Алёной сидели впереди, Эл — одна, справа от них, а по соседству с ней Ринат и Миша о чем-то бурно спорили.

Альбина спряталась под сиденье, оставив меня на растерзание публике. Я улыбнулась, сделав вид, что все было так и задумано.

— Извините, пожалуйста, Альбина просто смешное видео посмотрела.

— Альбиша, скинь ссылку! — крикнул Ринат.

— Не могу, Алёна ревновать будет, — засмеялась Альбишка ещё сильнее.

— Я спрошу разрешения!

На этом тема замаялась, и каждый вернулся к своим делам.

Я ещё раз взяла Альбину за руку, и мы обменялись многообещающими взглядами: и она, и я очень ждали этого дня.

«Ильхам», не подведи.

Куча подростков толпилась у ворот лагеря. Стоял гул из голосов — да такой, что перебивал стрекотание сверчков и пение птиц. «Ильхам» раскинулся посреди леса. Недалеко от него лежало небольшое озеро, куда мы сбегали встречать рассвет до подъёма.

База выглядела компактной, но при этом вмещала сто пятьдесят детей — а это пять корпусов по два этажа. Сзади — большое футбольное поле, на территории расположено несколько разноцветных беседок с пуфиками и гамаками, в сердце базы — сцена и клуб, где проходили все вечерние мероприятия, утренние лекции и мастер-классы.

Мы любили пятый корпус, потому что он располагался на отшибе, да ещё и ближе всех к дырке в заборе, через которую мы пробирались к озеру на наши запретные пикники. А ещё это был единственный корпус, в котором не жили вожатые, поэтому его отдавали самым ответственным старшим, которые не нуждались в патронаже.

— Ребята, всем внимание! — Начальник базы дядя Мансур встал перед толпой. — Мы с командой «Ильхама» рады встретить вас на юбилейной смене. Сейчас мы заселим вас по корпусам, а через два часа состоится первая общая линейка, на которой вы получите познать комитесь с командой вожатых и персоналом лагеря. Я прошу вас организованно следовать за

взрослыми и с этой секунды слушать их команды для вашего же комфорта и безопасности. Чем быстрее мы завершим организационные моменты, тем быстрее вы сможете расслабиться.

Мы с Альбишкой подошли к группке товарищей по отряду. Гузель и Тимур, наши вожатые, уже подняли табличку с номером девять и зазывали к себе ребят. Нам повезло: они уже не первый год работали вместе и действовали как одна команда. Тимура все называли Рыжим из-за цвета волос и россыпи веснушек по всему лицу, а Гуза ставила все танцевальные номера в лагере, отвечала за настроение и просто сражала всех своей бешеной энергией.

— Так, дорогие мои взрослые дети! Наконец-то нам с Рыжим дали старший отряд, и мы сможем эксплуатировать вас по полной, — Гуза засмеялась, собирая в пучок копну чёрных кудрявых волос.

— Тимур, скажи, пожалуйста, что мы живем в пятом корпусе! — Ринат, как всегда, ворвался в разговор, подбегая к старшим вместе со своим лучшим другом.

— Ринат, весь отряд будет жить в пятом — а для тебя мы выделили комнату с младшим отрядом и поводок, чтобы не рыпался лишний раз.

— Уууу, Тим, но мне нет ещё восемнадцати, я не могу такими пошлыми вещами заниматься! — Ринат подмигнул Рыжему, вызвав тем самым раскат смеха у всего отряда. Алёнин ухажёр с вожатым делили один цвет волос, но выглядели совершенно по-разному: Тимур худой и щуплый, а Ринат ростом почти два метра с широкими плечами и накачанными руками.

Как же я рада быть с ним в одном отряде! Только это не распространялось на его лучшего друга...

Гуза потрепала Рината по голове.

— Как видите, скучно нам точно не будет. Давайте пока побережем силы и спокойно заселимся в комнаты, а ближе к вечеру покажемся уже на сцене, хорошо?

Я, Алёна и Альбишка вытащили из багажа сумки и потащили их к корпусу, но кто-то вырвал у нас из рук чемоданы. Ринат взял у Алёны и Альбишки, а к моему подошел... Я не поверила своим глазам.

— Могу помочь тебе? — Нестеров стоял в шаге от меня и уже тянулся к ручке.

— Сама справлюсь, спасибо, — я недоуменно посмотрела на него.

Чего я не ожидала, так это подобных проявлений доброты со стороны Миши, который не мог меня терпеть все предыдущие смены. Сердце предательски застучало от его внимания.

— Знаю, — проигнорировав отказ, он все же взял чемодан и покатил его к корпусу.

Я догадалась о причине такой резкой перемены в отношении и заставила себя успокоиться:

Кажется, он начал играть со мной в игры разума, чтобы в этом году я сама уступила место капитана команды. Пусть пробует.

Перед нами встал зелёный корпус: на первом этаже жили парни, на втором девушки, там же был огромный балкон, где мы собирались с ребятами после вечерних мероприятий и продолжали дискотеку.

Обстановка внутри казалась ничем не примечательной. Старый паркетный пол, коричневые стены, которые совсем скоро зарастут плакатами и фотографиями отряда, большие окна, смотрящие на высокие сосны и уединенную беседку... На первом этаже размещались три комнаты и подсобка со швабрами и постельным бельём. На втором этаже — комната отдыха и две большие спальни, одну из которых заняли мы с Бабсоветом.

Я выбрала кровать у окна. Рядом со мной Алёна уже разбирала коллекцию платьев и раскладывала их по полкам. Устраивая настоящий показ мод, подруга переодевалась три раза за день. Мы часто брали друг у друга вещи — только платья миниатюрной Алёны не закрывали мою попу даже наполовину, поэтому я могла одалживать у нее лишь футболки.

— Боже, я не хочу двигаться!.. — Альбишка уже улеглась на кровати и уставилась в потолок.

— Ненавижу линейки, — Мила разбирала свою коллекцию книг, которую она прочитает за первую неделю, после чего поселится в местной библиотеке. Сейчас закладка лежала в «Олесе» Куприна.

— Да ладно, потерпим немножко, а потом вернемся сюда и посплетничаем. Красиво юбка с этой кофтой сочетается? — сказала Алёна, вертась перед подругами в новом прикиде.

— Да на тебе картофельный мешок будет смотреться как на богине! — Альбишка приподнялась с кровати и внимательно посмотрела на Алёну. — Но лучше попробуй с розовой облегающей футболкой надеть.

Эти двое всегда сходились во взглядах на одежду, хотя вкусы имели диаметрально противоположные. Альбина выбирала странные разноцветные шмотки, а Алёна любила женственные, облегающие, подчеркивающие изгибы. Но каждый вечер они объединялись и помогали нам собираться на дискотеки и вечерки. С ними нельзя было остаться в простой футболке, сколько бы я ни протестовала.

— А Тема с Исом в этом году не приедут, что ли? Вроде он писал, что их команда будет... — Эл вернулась в комнату с дополнительными пледами и подушками в руках.

— Приедут, но позже. У Тёмы соревнования, — сказала Мила, перелистывая страницы «Олеси».

Они учились в одном классе и дружили с детства. Ну, Мила дружила, а Тёма ждал, когда она передумает и отдаст ему свое сердце — потому что его уже давно пылилось на ее книжной полке.

— Ну а Ис не пропустит сотни юбок и начнет занимать свободные окошки на обжимания, — пошутила я и сразу пожалела, потому что лицо Эл тут же омрачилось.

Она была его тенью, его плечами и ушами, его жилеткой, его главной болельщицей. Я злилась, что подруге приходилось каждую смену смотреть, как её парень мечты меняет по десять девушек за день, пока она ждет у стены его приглашения на танец.

Любовь — страшная вещь. У тебя нет права выбора и нет пропуска хода, чтобы не было больно и невыносимо от этих чувств. Если сердце выберет человека, то сколько бы ты ни бодалась сама с собой, ни противилась этому, ни искала логичных причин не любить — оно разобьется, расколется, треснет, а тебе придётся собирать его заново, склеивать и сшивать.

Корпус опустел — все побежали к сцене на линейку.

Я отстала от девочек, потому что долго искала кепку, которую урвала в винтажке — солнце печет, а желания свалиться от теплового удара нет.

Я быстро спускалась по лестнице на первый этаж, как вдруг увидела в коридоре Нестерова сидящим и что-то высматривающим в своем телефоне. Он сосредоточился так, будто в этот миг решалась его судьба: прищурил карие глаза, насупил брови и нервно постукивал большим пальцем по экрану. В надежде, что он не заметит меня, я рванулась к выходу, но у скрипучего паркета были другие планы.

Миша оторвался от своего занятия и с недоумением осмотрел коридор. Поймав меня глазами, тут же встал и сунул телефон в задний карман. Встряхнув плечами, сказал:

— Здесь плохо ловит сеть, я пытался сайт один загрузить...

— Не помню, чтобы я спрашивала, — игнорируя его взгляд, я нашла свои кроссовки у входа и, присев, принялась шнуровать их.

Он улыбнулся. Вы можете себе это представить?

— Напомни мне, когда я шутила? Или ты обновлял сайт психдиспансера, потому что забыл взять с собой таблетки?

— Ань, да мне смешно, что ты целый год держишь обиду на решение, которое принимал не я.

Ага, зато согласился с ним ты и ухмылялся тоже ты, Нестеров.

— Поверишь или нет, капитанство прошлого года здесь ни при чём. Ты можешь просто не нравиться, хотя твое эго вряд ли это переварит.

— Хорошо, как скажешь, Ань. Нравлюсь или не нравлюсь, а у меня и так полно проблем, чтобы постоянно отбивать твои нервные выпады.

Я вскинула подбородок, пытаюсь выразить взглядом, насколько сильно Нестеров мне противен. В груди зашипел кипятик — *какон* сформулировал свою претензию? Нервные выпады? Если это для него *выпады*, то дальше я ему устрою американские горки с водными пистолетами!

— А ты не отбивай, а подставляй левую щеку, Нестеров. Я не записывалась в твои проблемы, давай договоримся держаться друг от друга подальше для взаимного спокойствия.

— Посмотрим, — он ухмыльнулся, вызываясь встав прямо передо мной, чтобы надеть свои шлепки. Сидя на корточках, я видела Мишу будто вдвое выше, чем тот был на самом деле, хотя в росте он обгонял меня лишь на голову.

Я порывисто поднялась и вышла из корпуса, не оглядываясь, но слышала, как его уверенные шаги наступают мне на пятки. Очень хотелось всё-таки обернуться и посмотреть на выражение его лица, но я не хотела проигрывать хотя бы этот раунд.

Мы уже почти подошли к толпе, как Миша обогнал меня, обернулся и подмигнул.

— Спасибо за вид, Ань, — он улыбнулся и присоединился к парням, в числе которых его уже ждал Ринат.

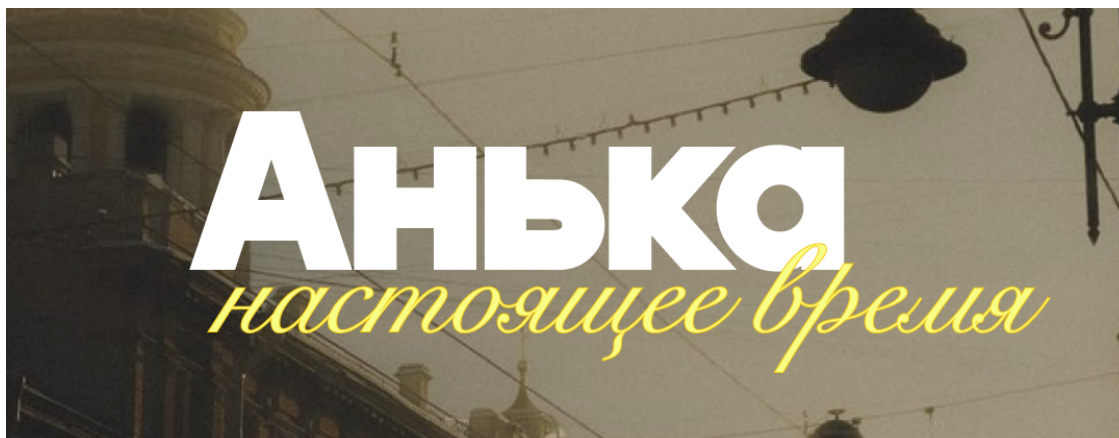
Схватившись за бёдра, я вспомнила, что на мне узкие джинсы, которые чуть сильнее, чем я люблю, облегли ноги. Подобной наглости я от Нестерова не ожидала, а потому даже не успела придумать, что ответить.

Со сцены раздалась музыка, команда вожатых вышла на традиционный приветственный танец.

Последняя смена начинается с этой секунды.

«Ильхам», я тебя обожаю.

Глава 4. Темнота и пропущенные звонки

Не могу попасть ключом в замочную скважину.

После десятой попытки нервно сжимаю ключ и только тогда понимаю, что взяла из сумки связку от казанской квартиры. Двое суток без сна и нормальной еды давали о себе знать: я была не человеком, а роботом, который еле волочит ноги и функционирует в режиме энергосбережения.

Все, чего я хотела, — добраться до кровати и уткнуться лбом в подушку. Отключиться, не думать, уснуть часов на двадцать. Несколько шагов, и я исполню это желание.

Раз. Сняла куртку, скинула с себя грязную обувь, отшвырнула сумку в сторону. Два. Не тратя время на то, чтобы включить свет, пробралась сквозь темноту в спальню. Три. Сдёрнула с кровати покрывало. Четыре. Кинула свое тело на простынь, не снимая уличной одежды. Пять. Закрывает глаза.

Надеюсь, отпустит.

Хотя бы на время.

Продрала глаза сквозь сон. Пряди, сбегавшие из пучка, прилипли ко лбу. Тело ломило. Ощущение, будто пока я спала, по нему пробежало стадо слонов. Тяжело было не просто встать, а даже поднять руку.

Нашла телефон, чтобы узнать, который час. Утром начинается пара по новому факультативу, которую нельзя пропустить. На него открывали строгий отбор среди всех образовательных программ, и я вместе с другими везунчиками прошла конкурс.

Смотрю на экран — а там время шесть вечера и гора неотвеченных уведомлений.

Чёрт, я проспала почти сутки? И пропустила все пары?

Браво, Ань, отличное начало. Преподаватель явно будет рад, что среди сотни кандидатов отдал место тебе.

Я ненавидела пропускать пары и подводить людей. Учёба — одна из немногих сфер жизни, которую я умела держать под контролем, несмотря ни на что. Везде был бардак: в дружбе, в отношениях, в квартире — но домашние задания всегда сданы за неделю до конца сроков, посещаемость идеальная. Единственное правило, которое я не нарушала.

Видимо, не сегодня.

Еле отодрав себя от кровати, попыталась сориентироваться в комнате: вокруг крошечная темнота, через шторы пробиваются отблески Ждановки. Осторожным движением руки открыла занавески, чтобы в комнату просочился хоть какой-то источник света.

Взглянула на вечерний мартовский Питер. Огни, блики, люди мчатся куда-то, остатки ледяных островков пролетают по водной глади.

Такой же красивый, как и был три дня назад. А вот мою жизнь ледоколом разделило на «до» и «после».

Хватит.

Я зашла на кухню. После спячки от двух чашек чёрного кофе ничего не изменится.

Раздражало все: звон ложки по кружке резал уши, гудки машин впивались в перепонки, а дыхание вытяжки высасывало не запах, а остатки сил. Раньше у меня случались сенсорные перегрузы, но с таким сильным я встретилась впервые.

Тесно было даже в своем теле. Жали ноги, тянула голова, кололо в груди. Организм горел на всех этажах, а я не могла найти аварийный выход.

Сделала горячий глоток и заставила себя поднять телефон и просмотреть пропущенные уведомления. Сознательно пролистала соболезнования, заметила пять тревожных звонков от мамы и один предупредительный от папы. Отправила в семейный чат короткое сообщение, что со мной все в порядке.

Ага, конечно.

Лизон: Ань, ты как? Я вот с пары пришла, про тебя препод спросил, я сказала, что ты по семейным не пришла.

Лизон: Приехать к тебе может? Ты же вернулась?

Лиза — моя вторая половинка. Мы сели рядом на самой первой паре, схлопнулись да так и не отлипали друг от друга по сей день. Она приехала в Питер из Минска по программе обмена и редко навещала родителей, поэтому нашла во мне свою маленькую семью. Мы целыми днями зависали у меня в квартире, в редкие дни я забегала к ней в общежитие и мы играли в мафию с ее белорусской диаспорой.

Я: Лиз, я проспала страшно, вырубил просто, вот недавно встала.

Я: Что задали, было на паре что-то важное?

Лизон: Ты неправильные вопросы задаешь, Ань. Было ли на паре что-то ВЛАЖНОЕ?

Лизон: Да

Лизон: Я

Я: Боюсь спросить, почему. Точнее, боюсь узнать ответ.

Лизон: Узнаешь в понедельник, какие горячие у нас одноклассники.

Я: Как будто ты не знаешь, что мне пофиг.

Лизон: Знаю. Я соскучилась, не проспай в понедельник.

Если в плане жизненных ценностей мы были двумя кусочками одного пазла, то в отношениях с парнями были как огонь и вода. Пока Лиза не пропускала ни одной штанины, я не пропускала ни одной встречи клуба знатоков и вообще занималась учёбой.

Мне нравились парни, не подумайте; но я не искала романтических отношений специально, а сидеть в приложениях знакомств не хотела. Поэтому и жила рассказами Лизона о том, кто попросил разделить счёт, кто отправил фото причинного места, а кто залез под юбку в общественном туалете.

Да, Лиза была легендой.

Я снова взяла в руки горячую чашку и возвратилась на кровать, чтобы спрятаться от холодного мартовского ветра, который пробрался в квартиру. Открыла створки, потому что холод выносить проще, чем тяжелую пустоту, которую я ношу с собой с *того* дня.

Столько же я не ела — если не считать пяти пачек гадостей, которые запихнула в себя в самолёте.

Живот ныл уже не шёпотом, а криком. Я знала, что надо следить за тем, что ешь. Это вошло в привычку с двенадцати лет, как только впервые мама заметила, что у меня начинает округляться попа и расти бока. С того момента я с едой на расстоянии руки: ем, чтобы были силы, и никогда — для удовольствия.

К чёрту. Моральных и физических сил, чтобы придумать себе здоровый ужин, не нашлось. Я открыла приложение доставки и нашла любимые роллы, которые разрешаю себе только после сдачи сессии.

Добавляю сет из двадцати штук в корзину. Хватит или не хватит?

Недолго поторговавшись с собой, взяла еще один набор запеченных. В последнюю минуту перед тем, как нажать на «Заказать», добавила сладкую газировку. Ее не пила никогда, но сегодня ведь не засчитается, правда?

Хоть и с улицы доносился гул машин, голоса людей, жужжание жизни, в комнате стояла тишина. Мне нравилось жить одной, приходилось по душе одиночество, но сейчас находиться наедине со своими мыслями было невыносимо.

Я знала, кто меня спасет. Еще ни разу не подводил. Пошла к своему виниловому проигрывателю, нашла пластинку, чей чехол уже весь потерялся из-за частого использования.

«Я хочу быть с тобой» дорогого «Наутилуса» заполнила комнату.

Я легла на пол, распластала руки и ноги и уставилась на вечернее питерское небо. Лунный свет слепил глаза, пока из них медленно текли слезы. Я не пыталась их вытирать, это было бесполезно — музыка любимой группы разрешала чувствовать, разрешала быть слабой, разрешала сдаться. Она открывала свои объятия и прятала меня от злого, несправедливого мира.

«Я хочу быть с тобой».

Он поет то, что я тебе так и не сказала.

Выходные пролетели в одно мгновение.

В вечер пятницы курьер доставил два сета роллов — я съела их за присест. Конечно, ничего не оставив. С набитым животом легла в постель и снова попыталась уснуть.

На следующее утро позвонила всем, кто потерял меня, с дежурным «всё нормально». Убедила маму, что не голодаю и не надо вылетать в Питер первым же рейсом.

Следующие два дня готовилась к первой (фактически, второй) паре нового факультатива. Я уже пропустила старт — непростительно было прийти неподготовленной.

На утро понедельника я поставила шесть будильников, чтобы точно не проспять, а еще попросила Лизу сделать предупреждающий звонок на случай, если я не напишу ей утром, что вышла.

Пообещала себе вернуться в строй с понедельника. Как бы больно и невыносимо мне ни было, жизнь продолжалась, и я не могла подвести родителей, которые пахали для будущего единственной дочки. Тем более, что я пробивалась на этот курс целых два месяца не для того, чтобы меня отчислили из-за плохой посещаемости и хилой успеваемости.

У самых дверей университета меня буквально сбил с ног мой маленький бульдозер. Лиза была ниже меня на голову, с чёрными волосами вперемешку с серебристыми локонами. Она одевалась как панк, но при этом источала женственность. Только Лиза могла прийти в универ в огромной чёрной футболке с надписью «Пивозавр» и собрать три запроса в подписчики от парней с других факультетов.

— Моя королева в здании! — Лиза набросилась на меня и задушила в объятиях. Её зелёные глаза выискивали на моём лице признаки катастрофы. Все думали, что мир Лизы крутится вокруг нее, но за фасадом легкомысленной девочки пряталась верная собака, которая считывала малейшие изменения в настроении друзей. Этим она напоминала мне Ралину.

— От королевы слышу! Слезай с меня, у нас всего ничего до начала пары, я не хочу опоздать.

Мы ускорились, пробираясь ко входу в универ через толпу спешивших на пары студентов. Я забыла выпить утренний кофе, поэтому остатки сна еще не ушли с моего лица. Аудитория была на пятом этаже, а к лифту выстроилась очередь, поэтому мы с Лизой решили не ждать и подняться по лестнице.

— Ань, а я тебе уже говорила, что на эту пару отбирали, похоже, по внешности? Один парень красивее другого!

— Лиз, для тебя наш бариста в кофейне на первом — второй Брэд Питт. — И да, она уже ходила с ним на свидание.

— Ты поймешь, о чём я говорю, как зайдешь в аудиторию, помани мое слово. Почему на социологию не завозят таких парней, всех забрали экономика и бизнес-менеджмент?

Мы подбежали к кабинету. На удивление, внутри оказалось только несколько парт — еще не все студенты вернулись с перерыва. Мы выбрали место в дальнем углу, потому что Лизон настояла на том, что мне надо внимательно разглядеть всех однокурсников.

Раздался звонок, пара началась. Я смотрела на преподавателя, а аудитория тем временем наполнялась людьми с разных факультетов. Среди избранных я увидела несколько знакомых лиц — мы пересекались на студенческих мероприятиях и выездах.

— Ань, смотри, красавчики подъехали!

Я повернула голову, чтобы поймать их взглядом, и по пути обронила сердце.

Не может быть.

Я закрыла глаза, чтобы заново открыть и перепроверить, не играет ли мое сознание со мной в дурные игры.

Нет, это действительно он. Зелёная флисовая рубашка, под которой пряталась простая белая футболка. Широкие чёрные штаны, небрежно свисающий с плеча джинсовый рюкзак. Каштановые кудри торчат в разные стороны, одна прядь падает на очки.

Он зашел в кабинет так, будто никого не существовало и только его присутствие имело значение. Подняв голову, он нашел меня взглядом среди студентов и с прищуром всмотрелся в мое лицо. Так, будто тоже не верил, что я настоящая.

Я проиграла в гляделки, вернув взгляд на преподавателя, пока сердце бултыхалось под ногами.

Миша Нестеров — со мной в одной группе.

Вселенная, ты издеваешься?

Глава 5. Снежный ком

Кто-нибудь скажет, как ограбить банк и не загреметь в тюрьму? Чтобы я просто отдал наличные за четыре года обучения и перестал обновлять каждую секунду списки с зачислением на бюджет.

Я торговался с собой, ехать ли в этом году в лагерь или не тратить лишние деньги и дожидаться результатов экзаменов дома — но мама уговорила отвлечься и провести хотя бы один месяц лета для себя перед зачислением. Да и Ринат ни за что бы не разрешил пропустить последнюю смену в «Ильхаме» и был готов сам заплатить за путевку, как только я заикнулся о том, что могу не поехать. При желании родители Рината могли купить не только путевку, но и весь лагерь — он был сыном крупного татарского деятеля искусств, которого уважали по всей республике.

Мы дружили с детства: наши отцы учились в одном университете, поэтому с ним прошли пеленки, горшки, драки за игрушечные пистолеты и двойки за поведение.

Он брат, которого я выбрал сам, и продолжал выбирать даже в моменты, когда он донимал нескончаемыми шутками и громкой музыкой из колонки.

Я никогда не забуду, как его плечо подхватило меня, когда родители разводились и доводили нас с сестрой криками и скандалами. В тот год я проводил почти каждую ночь в его доме, чтобы не слышать их склоки.

— Эй, ты чего приуныл? — спросил Татарин, навалившись на меня своей огромной тушей.

— Слезь с меня, это во-первых. Во-вторых, я не приуныл, нормально всё со мной.

— С каких пор ходить с лицом нашей школьной библиотечарши — нормально? — Взяв за плечи, он потащил меня к корпусу на собрание отряда. — Миш, ты не спи, у меня на эту смену целый список дел и удовольствий, без твоей помощи я не справлюсь.

— Чтобы целоваться с Алёной за корпусом, тебе моя помощь не понадобится.

В ответ на это друг громко засмеялся и закрыл лицо обеими руками, чтобы я не заметил его покрасневшие щеки. Со всеми остальными Ринат источал уверенность, но при упоминании невысокой блондинки тут же возвращался в возраст детского сада.

Из корпуса доносился громкий голос Гузы. Я не особо любил общие отрядные сборы в первый день смены — из-за неловких знакомств, где надо в сотый раз придумать, какой факт рассказать о себе.

Михаил Нестеров, семнадцать лет, поступаю в Питер на экономиста, сын мудака. Не думаю, что кому-то интересны мои отношения с отцом. Если отношениями можно назвать звонки раз в месяц и дорогие подарки на дни рождения, которыми он пытается откупиться за

мамины слезы и истерики в год их развода. Еще четыре года назад он был нормальным отцом, которого я уважал. От уважения теперь осталось только эхо. Прошедшее время. Точка.

Отряд собрался в зоне отдыха. Я вгляделся в лица ребят, с которыми проведу смену. Факт обо мне: я никогда не забываю лица. Моя память хранила тысячи черт, и если я хотя бы раз видел человека, то я его обязательно запоминал.

Следующий факт: я никогда не запоминал имена. Даже если их повторяли по несколько раз, я забывал их через минуту. Отсюда ребята делали вывод, что я высокомерный тип и не утруждаюсь при знакомстве. Но как сказать, что их лица мне важнее, чем буквы?

В последнюю смену я обещал себе не думать ни о чем. Потусить. Расслабиться. Отпустить контроль.

Весь год я жил на быстрых скоростях. Школа, обед по пути, подготовительные курсы, вечером — к репетитору. Шесть дней в неделю я готовился к экзаменам, один оставшийся то спал, то выпускал пар в зале. И так на повторе.

На кону стояло будущее, в котором я не имел права зависеть от отца и его денег. Мама работала преподавателем в университете и никогда бы не осилила оплату обучения в питерском вузе, поэтому у меня было два варианта: бюджет или армия. Надеюсь, следующий год проведу в своих рубашках, а не камуфляже. Но даже камуфляж лучше, чем жить на подачки изменщика.

Ринат уже пристроился на барском зелёном пуфике, оставив мне место рядом на стуле. В нашем дуэте он создает приключения и проблемы, а я сохраняю нас живыми.

Так, ладно. Потерпеть час знакомства — и дальше пойти на любимое поле и погонять мяч, как в старые добрые.

— Ну что, полувзрослые? Нам с Гузой наконец-то дали самый старший отряд, похлопаем этому! — с улыбкой во все тридцать два сказал Тимур. Нам повезло с вожатыми, потому что по отдельности эти двое — звезды, а вместе — метеорит.

Комната взорвалась смехом и аплодисментами, и Тим продолжил вводную речь:

— Большинство из вас уже не в первый раз в этом лагере, но я всё равно хочу повторить некоторые принципы «Ильхама».

— Отдыхать, тусить и по возможности не размножаться, — добавил Ринат и вызвал новый раскат смеха. Друг жил на топливе внимания, но эту шутку отправил в правый угол комнаты, где сидели покрасневшая Алёна, Альбина, которая почти валялась на полу от смеха, и...

Аня Жданова. Она сидела на краю кровати, как будто боялась занять больше места, чем нужно, и мяла пальцами край футболки. По лицу было неясно, что она сделает через секунду: обнимет или плюнет в рожу. Хотя со мной она всегда выбирала второе.

У нас были странные отношения: мы уже пятый год проводим в одном лагере, но ни разу не попадали в один отряд. С первой смены у неё на меня аллергия, и Аня всем видом показывает, что я последний человек, с которым она захочет иметь дело. Если бы мы остались вдвоём выживать на необитаемом острове, она бы скорее выпила мою кровь, чем согласилась на сотрудничество.

Хотя нет, вру. Нам всё-таки приходилось сосуществовать в одной команде «Что? Где? Когда?». Нас каждый год отбирали на соревнование, перекидывая между нами звание капитана. У Ани мозг был размером с Сатурн: в нем хранилась информация из всех школьных предметов, энциклопедий, фильмов, сериалов. А еще она гениально брала вопросы про музыку и знала наизусть весь советский рок и его производные.

Во время тренировок мы были как кошка с собакой: спорили, бодались, бросались колкими фразами. Но как только начиналась игра, мы забывали о всех разногласиях и отбивали версии друг друга, как Месси и Суарес. Она слово, я второе, она версию, я добиваю — химия между нами работала только в рамках игры. Как только мы делали шаг из зала, химия испарялась и на место возвращалось взаимное раздражение.

Взаимное ли? Я защищался. Она за нас двоих решила, что мы друг другу не нравимся, и мне не надо было даже подыгрывать — она построила забор и посадила перед входом злую собаку. И научила её лаять каждый раз, когда я подходил ближе, чем на два метра.

А я всё равно подходил. Во-первых, мне весело подливать масло в огонь. Во-вторых, мы достались друг другу по наследству: она дружила с Алёной, от которой Ринат не отлипал. В-третьих, что-то в её присутствии вызывало в моем теле сиюминутную реакцию действовать. Как будто в её зрачки были вкручены лампочки, а я как мотылек отвлекался от всех дел и направлялся к этому свету.

Она нахмурила брови, как только поймала мой взгляд, и тут же показательно повернулась в противоположный угол комнаты, где сидели вожатые. Я еле сдержал улыбку, потому что с недовольным лицом в комплекте шел средний палец.

— Ринат, тебя в частности прошу не размножаться, одного и так достаточно, — с усмешкой ответил Рыжий и продолжил речь: — Вернемся к принципам. Наш лагерь держится на трёх китах — ТСП. Старички, что означают эти три буквы?

— Творчество, сосуществование, поддержка! — резво ответила Альбина.

— Именно! В «Ильхаме» все наши решения и действия мы пропускаем через три фильтра. Творчество — пробовать все, на что страшно было осмелиться за пределами лагеря. Сосуществование — принимать разность друг друга и уважать границы тех, с кем вы находитесь рядом. Поддержка — не бояться просить помощи и участия и не стесняться оказывать их.

— Да, дорогие, — обняв Тимура за плечо, Гуза привстала со стула и начала раздавать каждому небольшие листочки бумаги, — мы с Рыжим хотим, чтобы ваше путешествие на смене было памятным и чтобы в поворотный момент вы услышали нужные слова, ощутили близость каждого, кто по какой-то волшебной случайности оказался с вами в одном отряде. Мы думали, как бы соединить все три принципа в одной активности, и пришли к идее. Сразу предупреждаю, что критику и возражения не принимаем, мы уже за вас решили, что идея гениальная. Мы будем писать... письма!

— Любовные?

— Какие хочешь, Ринат, можешь любовное. Только знай, что оно может попасться твоему Мише.

— Он и так знает, у нас с ним все взаимно, мы не играем в кошки и мышки. — Сказав это, друг вытянул пухлые губы уточкой и направил их на мой лоб. Я быстро отреагировал и вместо лба подставил свой сладкий кулак. Выкуси, обезьяна. Но он не растерялся и принялся, как собака, его облизывать, прекрасно зная, как я ненавижу слюни и все, что с ними связано.

— Прерву ваши брачные танцы, дорогие, получите — распишитесь, — заявила Гуза.

В руке у меня оказались ручка и пожелтевший лист бумаги.

— Все получили раздачу? А теперь слушаем внимательно. Мы дадим вам время, чтобы вы написали послание. Но не себе, а другому человеку — вы не будете знать, кому, пока не вытащите карточку с именем из коробки. Ваша задача — написать то, что вы бы сами хотели услышать в свой адрес. Возьмите свое сердце в руки, потрясите, как копилку, и вытряхните золото, скопившееся там за год. Соберите его и обратите в слова, чтобы в неожиданный момент озолотить сердце другому.

Комната зашуршала, ребята начали устраиваться удобнее, а я смотрел на пустой лист и слышал, как в голове гремит пустота. Буквально.

Я бы сам хотел услышать только пять слов: *Миша, ты поступил на бюджет*. Если я получу такое сообщение, то моментально улечу в космос от счастья — потому что если эти слова не дойдут до меня этим летом, придётся терпеть присутствие отца в своей жизни и его пятиэтажные манипуляции.

Я лучше отрежу себе руку и скормлю её собакам, чем буду зависеть от настолько лицемерного человека. Чему он может меня научить, если сам не научился даже держать себя в своих же штанах?

Чистый лист продолжал смотреть на меня в упор. Ребята вокруг уже погрузились в процесс, Ринат переглядывался с Алёной и отправлял ей воздушные поцелуи, пока никто не видит, а та ловила их, ела и нарочито выплевывала. Рядом с ней, погружённая в задачу, Аня явно строчила пятый том «Войны и мира». У неё была очень милая привычка высовывать кончик языка, когда нужно сосредоточиться. Впервые я заметил это на игре два года назад в момент, когда зачитывали вопросы. Теперь я не могу это развидеть.

Так, вернемся к письму. Что бы я хотел передать любому человеку из тех, что здесь собрались? И что бы предпочел услышать сам?

«Мир очень рад, что ты существуешь. Тебе очень к лицу жизнь, продолжай. Без тебя было бы не так интересно, даже если ты думаешь иначе. Если тебе когда-нибудь будет плохо, напиши мне на эту почту. Я обещаю тебе ответить».

Поставив точку и свернув лист в ровный квадрат, я направился к коробке с конвертами. С закрытыми глазами опустил руку, чтобы священный рандом подкинул мне приятного человека. Помешал листы и выбрал самый крайний, на дне правого угла.

Перевернул, чтобы увидеть, кому отправится мое нищее послание. Альбина Халилова. Отлично.

Мы не были близко знакомы и мало где пересекались. Все, что я знал про неё — это то, что она дочка начальника лагеря. Однако каждый раз, когда мы оказывались в одной компании, Альбина улыбалась. Про таких людей говорят, что они излучают солнечный свет.

— Все получили конверт с именем? — спросил Тимур, оглядывая комнату.

— А теперь спрячьте это письмо и забудьте про него до середины смены. Наблюдайте за человеком, чье имя попало в конверте, узнайте его ближе — и в момент, когда ему нужны будут рука помощи, поддержка или тёплые слова, подарите послание.

Я снова пытался поймать сигнал в надежде, что появятся списки. Не появились. Знаю, это нездорово — проверять каждые два часа сайты университетов, но я не мог сдержаться. Эта привычка прилипла ко мне сразу же после подачи заявок: я стал как лудоман, который заложил квартиру, поставив на красные, и теперь жадно смотрит на рулетку в надежде, что та вытащит из задницы.

Тишину разбавил ветер. Я сидел в дальней беседке и смотрел на рябь сосен. Это отвлекало от шипения мыслей и вопросов. Моя голова превратилась в процессор, у которого потек чип и полетела плата.

Больше всего я ненавижу, когда меня заносит в зону вопросов «что, если».

Что, если не поступлю?

Что, если придётся взять деньги у папы?

Что, если не в Питер?

«Что, если» — паразит, который медленно подъедает сначала мозг, а потом и другие органы.

Издалека доносились крики и смех ребят, которые разбирали чемоданы и готовились к обеду. Я сбегал в эту беседку, когда хотел побыть в одиночестве. Прятавшаяся в гуще деревьев за корпусами, она идеально отвечала моим задачам: тихо и темно. Слышны были также шорох сосновых веток, скрежет сверчков и мое ровное дыхание. В моменты, когда мысли, чувства и события выходили из строя и мне казалось, что я тону — дыхание превращалось в спасательную лодку. Вдох-выдох, и так десять раз, пока мысли не захлебнутся в легких.

— Ах вот ты где, Мишлен.

Видимо, ежедневный лимит на тишину себя исчерпал. Ринат бежал ко мне, ловко уворачиваясь от веток и почти спотыкаясь о корни. На ногах у него были потертые шлепанцы, а сам он был одет в клетчатые пижамные штаны и простую белую футболку. По такой одежде не скажешь, что приехал друг к точке сбора в лагерь с личным водителем на чёрном BMW.

— Еще раз из твоего рта выйдет эта кличка, я засуну тебе шишку в рот, принято?

— Ты зачем со мной флиртуешь, Мишлен? — Он поднял шишку под ногами, протянул её мне и демонстративно открыл рот.

Я засунул его подарок ему же за шиворот. Ринат забирал покой вокруг, но приносил тишину в мою голову: он заходил в мои мысли, брал тревогу за нос и ставил в угол. Все считали его легкомысленным, но близкие люди знали, что он намного серьёзнее, чем хочет казаться. Клоунскую натуру друг нацепил на себя, чтобы играть на нервах у родителей, которые хотели надеть на него золотую корону единственного наследника.

— Ладно, кроме шуток, ты чего здесь один сидишь? Результаты пришли? — Ринат присел рядом, подталкивая меня плечом.

— Нет, не пришли. Да и я знаю, что на этой неделе не придут.

— Ну и какого хрена?

— Какого хрена что?

— Ты депруешь здесь в углу? Маме твоей позвонить?

— Я не депрую, я отдыхаю.

— Отдых закончился. Мне нужна помощь. — Друг резко подскочил и встал передо мной, щелкая пальцами перед лицом. — Проснись, Мишлен, я серьёзно.

— Мишлен вне зоны доступа, — отмахнулся я. — Что тебе надо и почему ты не справишься без меня?

— С тобой все вкуснее, ты же знаешь. Короче, мне надо, чтобы ты прикрыл меня после обеда. Я хочу украсть Алёну на озеро. Проследишь, чтобы нас никто не потерял?

— Ты упал? Это до завтра не подождет? — Я попытался вложить в свой пристальный взгляд все оттенки осуждения, которые узнал за жизнь. — Кто в первый день смены сбегает? Мы буквально под лупой сегодня все ходим!

— Я не могу ждать, Миш. Я и так пять лет ждал, поэтому сделаю это сегодня.

— Что сделаешь? — с недоумением спросил я.

— Предложу ей встретиться. — И Ринат взглянул на меня своими зелёными глазами, полными надежды.

Я не поверил своим ушам. И нет, не потому, что сомневался в его чувствах. Как только Ринат впервые увидел Алёну в актовом зале лагеря, то ущипнул меня за бок и прошептал на ухо, что никогда не видел такой красивой девушки. Ринат хоть и флиртовал со всеми, но не особо разбрасывался комплиментами — сколько его помню, ему нравились всего две девочки: одна в садике и Алёна. Удивился я потому, что за пять лет друг ни разу не поднимал тему отношений вне смены. Это был их с Алёной негласный договор: они жили в любовном пузыре и не отлипали друг от друга, но как только смена заканчивалась, их корабли расплывались по разным гаваням. Насколько я знаю, они даже не переписывались во время учебного года.

— Ты дозрел наконец-то? — с улыбкой поинтересовался я.

— Мне надо действовать, пока она в универе в первый день не найдет себе мужа, который увезет её в другую страну рожать ему мальчиков!

— А куда она поступает?

— В Казань!

— В одном городе будете, значит?

— Да, Мишлен, кончилось мое пятилетнее ожидание!

Укол грусти пронзил живот. Мы с Ринатом с подгузников не расставались дольше, чем на три недели, а тут нам предстояли годы и расстояния: я планировал умотать в Питер, а он

остаться дома, в Казани. Обсуждали, как круто было бы поступить в один город, но его родители сняли с участия в забеге наши мечты. Ринат — часть татарской элиты и обязан представлять местный университет.

— Окей, я в деле. Только ты будешь мне должен, — ответил я.

— Да хоть почку отдам! Смотри, твоя задача — во время обеда передать ей записку и отвлечь её подружек-наседок. Мне нужно, чтобы ты два часа стоял на стреме и следил, чтобы нас никто не потерял. Если начнут переживать, скажешь, что я засел в туалете с поносом. Договорились?

Он улыбнулся мне и подал руку, чтобы закрепить договор. Я вздохнул и протянул свою в ответ. Что бы Ринат ни попросил, я не умел ему отказывать. Хотя в девяти из десяти случаев стоило бы.

У столовой образовалась очередь. Ребята разных возрастов выстроились в ряд, чтобы попасть на первый общий обед смены. Я стоял чуть поодаль, спрятавшись под тенью дерева. Игрался со своим кубиком Рубика и тщетно пытался найти в толпе невысокую блондинку.

Народ потихоньку начал рассасываться — похоже, двери открыли. Не переставая перебирать комбинации, я направился в столовую.

Та была небольшой, но просторной. Столы в хаотичном порядке расставлены по залу, а в середине — кухня, откуда дежурные разносили тарелки с хлебом и салатом. Я оглядел весь зал, чтобы найти хоть одно знакомое лицо. Через минуту увидел Альбину, которая что-то эмоционально рассказывала синеволосой Эл, пока та внимательно слушала, кивая и только успевая подносить ко рту ложку с супом. За тем же столом обнаружил и остальную Бабсовет: Мила молча ела второе, Алёна осматривала столовую, а Аня с усталым лицом сидела, подставив под щеку руку.

Заметив пустой стул рядом с Эл, я взял свободную порцию и направился к женской компашке. Мне нужно было незаметно передать записку Алёне и убедиться, что никто из подруг не успеет помешать моему другу захватить её сердце.

— Не занято? — перебив их болтовню, я положил тарелки на стол и начал аккуратно отодвигать стул.

— Нет, — улыбнулась Альбина.

— Занято, ищи другой стол, — в ту же секунду заявила Аня, строго сверкнув на меня глазами. Я уже говорил, что у неё почти чёрные глаза, взгляд которых пронзает, словно двумя копиями?

Остальные молча смотрели на нас, иногда неловко переглядываясь. В тишине ощущалось напряжение: казалось, если сейчас зажечь спичку, то взорвется всё здание.

Решив поиграться с огнём, я проигнорировал её выпад и уселся, положив рядом свой кубик. Это подействовало, потому что лицо Ани стало алым от раздражения. Она видела во мне не парня и товарища по отряду, а одну большую красную тряпку.

— У вас очень гостеприимная подруга, — улыбнулся я, посмотрев на самых открытых девушек этой компании: Альбину и Эл.

— У неё свой фильтр, — с усмешкой ответила первая. — Где твоя вторая половинка?

— Он занят, — сказав это, я многозначительно посмотрел на Алёну, которая при упоминании Рината тут же вскинулась в нашу сторону.

— Он не придет на обед, что ли? — спросила она.

— Позже подойдет. Кстати, тебе вожатые попросили передать, — я решил не тратить время.

Алёна с недоумением взглянула на небольшой листочек в моей руке, но всё равно взяла его и положила рядом с тарелкой. Теперь надо сделать так, чтобы она перестала быть в центре внимания и смогла тихонько прочесть его послание. Я знаю только один способ.

— Ань, чего не ешь? Невкусно?

От моего вопроса она сжалась, как будто я поймал её с поличным.

— Ты весь аппетит сбил. Никто не говорил, что одно твое лицо уже вызывает рвотный рефлекс?

— Ну, обычно не лицо...

Она тут же покраснела еще сильнее. Это бросалось в глаза из-за почти фарфорового оттенка её кожи: такое ощущение, что она никогда не бывает на солнце и по ночам сбегает спать в гроб. Интересно, если поднести к её лицу зеркало, эти угольные глаза отразятся в нём?

— Нестеров, еще одно слово — и в тебя полетит моя вилка, — она сжала грозное оружие в руке и нарочито вежливо улыбнулась. — Закрой свой рот и ешь.

— А ты так ешь? Поэтому тарелка полная стоит? — Я кивнул на нетронутую еду, до сих пор не понимая, почему за десять минут нашей словесной битвы она не съела ни одной ложки. Тарелки с супом и с гречкой так и смотрели на неё, пока Аня скребла вилкой по порции второго то в одну, то в другую сторону.

Живот заурчал, и я сам принялся активно поглощать столовские щи. Я был самый непривередливый на свете человек — ел все, что съедобно и дает энергию. В год подготовки к ЕГЭ из моей рутины исчезла личная жизнь, увлечения, «Ч. Г. К.», книги... Остались только тренировки в зале — а для них нужно было следить за потреблением мяса. Ну я и следил, четко и усердно. Это давало хоть какое-то ощущение контроля в моменты, когда неизвестность кричала в уши и выпинывала опору из-под ног.

В этой суматохе Алёна незаметно для всех исчезла из столовой. Миссия выполнена. Однако в словесном баттле с Аней я и забыл, для чего изначально садился за этот стол и какую услугу оказывал своему другу. Так было всегда, когда я попадал на её орбиту.

Аня с неохотой поднесла ложку ко рту, специально игнорируя мой взгляд в её сторону. Проверим, насколько её хватит. Я продолжал есть и смотреть на неё, пока Альбина и Эл разговаривали на фоне.

Одна минута. Вторая. Третья. Аня смотрела куда угодно, но только не в мою сторону. Это было уже дело принципа — выиграть игру в гляделки, где оппонент игнорирует твое существование.

Третья. Четвертая. Пятая. Она держалась как стойкий солдатик, но раздражение явно мигрировало в ногу: стол начал легонько дрожать от того, что она дергала правым коленом.

Шестая. Я продолжал уплетать гречку и так же жадно продолжал смотреть на неё. Седьмая. Ножки стула заскрежетали об пол. Аня демонстративно встала, нервно взяла почти полные тарелки и понесла их на станцию уборки. Затем, не проронив ни слова и не обернувшись, она вышла из столовой.

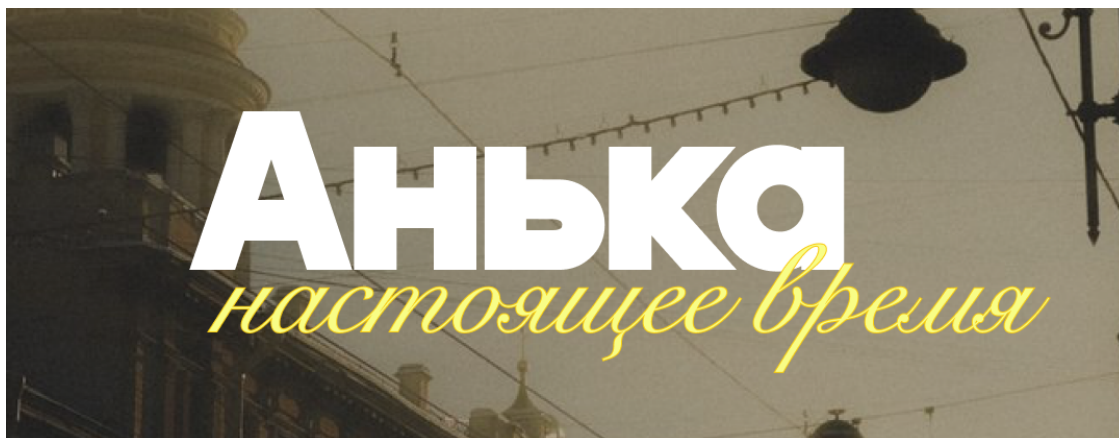
— Ты доволен? — спросила Альбина с осуждающим вздохом.

— Ты про что? — ответил я, стараясь прозвучать недоуменно.

Только вот я не был доволен. Больше скажу — мне хотелось вернуть её обратно, посадить за стол и...

Продолжать на неё смотреть.

Глава 6. Пара напряжения

Преподаватель увлеченно рассказывал о бизнес-системах в азиатских странах — я же приковала взгляд к доске и не разрешала глазам съезжать хоть сколько-нибудь в сторону. В ушах стоял рокот сердца и сбивчатого дыхания.

Не смотри.

Не поворачивайся.

Сидевшая рядом Лиза разглядывала наших одноклассников, кокетливо покусывая ручку. Время от времени она тыкала меня ею в бок и задавала вопросы, пытаясь привлечь мое внимание к обзорной лекции. Отталкивая её, я играла роль прилежной студентки — в то время как все в моем теле и голове переворачивалось из-за призрака прошлого.

Боже, пожалуйста, скорее бы закончилась пара. Пусть он меня не вспомнит, не узнает, не заметит. Спрячь меня. Последнее, что я хочу сейчас, — отвечать на вопросы о ней, принимать соболезнования и терпеть жалостливую нарочитую вежливость.

Мы не виделись почти два года с последней общей смены в «Ильхаме». Я заблокировала его во всех соцсетях, чтобы не знать.

Не знать, где он. Не знать, куда он ходит — и тем более не знать, с кем.

Он мечтал о Питере. В последний наш разговор он признался, что мечтает просыпаться рано утром на Ваське, брать кофе в Вольчека и смотреть, как медленно отплывают из порта корабли. Как сейчас помню, Миша описывал свой идеальный день, пока луна щекотала его скулы...

А нет, тот разговор был не последний.

Последний я не хочу вспоминать.

— Ань, ты как? — Лиза смотрела на меня с тревогой, а в её голосе звучала жалость. — С тобой все в порядке? Ладно, тупой вопрос, меняю его. Мне замолчать?

Концентрируясь на её беспокойстве, я закрыла половину лица руками. Привычка, которая появилась у меня ещё в школе — казалось, что так меня магическим образом станет не видно и учитель не спросит домашку, которую я тогда еще позволяла себе проворонить.

— Всё нормально, Лиз, — спокойно ответила я.

— Я просто тебя уже три раза спросила, а ты уставилась в одну точку и ничего не слышишь... — не поверив мне, подруга снова начала всматриваться в мои глаза в поисках боли.

Не ищи даже, Лиз, ты не выдержишь. Её слишком много.

— Прикинь, я пришла сюда учиться, а не слюни пускать, — сказав это, я ткнула её в бок. Она резко дернулась и случайно столкнула с парты свой многоразовый стакан для воды. Вся аудитория обернулась на наш концерт.

Прекрасно, Ань. Теперь он подумает, что ты исполняешь эту партию специально для него.

Никита Валерьевич, ведущий факультатив, сделал паузу в речи. Откашлявшись, он медленно направился в нашу сторону, в то время как двадцать человек в аудитории пристально наблюдали за его движениями.

Я вцепилась руками в стул, не отрывая при этом глаз от доски — чтобы не видеть, кто из однокурсников и как реагировал на наш с Лизой публичный позор. Где-то в правом углу сиделони наверняка думал, что за два года я не повзрослела, а так и осталась такой же невыносимой, заносчивой и эгоцентричной школьницей, которую он запомнил в последнюю совместную смену. Ставлю круглую сумму на то, что ему неприятно снова оказаться со мной в коллективе. От этой мысли в груди зашевелился червь, который взялся медленно подъедать остатки сердца.

Как будто от него после последних событий что-то осталось. Жри хоть все, оно уже всё равно избито и разжевано.

Тем временем преподаватель подошел к нашей парте, поднял упавший стаканчик, игнорируя неприятную влагу, и протянул его Лизе прямо в руки.

— Уважаемые студентки, я, конечно, приношу свои глубочайшие извинения, что отвлекаю вас от горячей беседы, — он вздохнул. — Лиза Адамович, правильно помню?

— Да, все верно, — продолжая смотреть на Никиту Валерьевича в упор, не моргая, ответила подруга.

Пока людям раздавали стыд, Лизон каталась на скейтборде и воровала яблоки на соседских участках. С полуулыбкой она взяла из рук преподавателя стакан и сразу же выпила остаток, который остался на дне.

— А подругу как зовут? — Моя очередь получать замечания. — Я вас вижу впервые, или мне отказывает память? Почему на прошлой паре вас не было?

Ну как вам сказать, Никита Валерьевич. Я всего лишь похоронила подругу. Обычный будний день.

От этой мысли к глазам подступили слезы, но я заморгала, чтобы снова не попасть в пустыню, где вокруг ничего и только бесконечное количество боли под ногами.

Не иди туда, Ань. Стоп.

— Я уезжала по семейным обстоятельствам домой, — дрожащим голосом ответила я, молясь, чтобы он не стал допытываться до подробностей.

— Надеюсь, больше семейных обстоятельств не предвидится. Иначе будет печально, что ваше место на курсе могло достаться человеку, который в состоянии посещать пары без пропусков. К сведению, всем присутствующим заявляю, что если вы не будете контролировать посещаемость, то единственное, что я гарантирую, — что буду улыбаться вам на комиссии перед отчислением.

Просканировав аудиторию, Никита Валерьевич несколько раз кивнул сам себе, медленно развернулся и направился к доске, распространяя шлейф антарктического холода.

Я тоже надеюсь, что больше таких обстоятельств не будет. Я не переживу.

Никита Валерьевич продолжил разбор экономической системы Таиланда, я же пыталась транскрибировать его отрывистую речь. На Лизу угрозы преподавателя не подействовали, так что она продолжала игнорировать лекцию и путешествовать глазами по лицам.

Затем она взяла телефон и начала что-то увлеченно печатать.

Мой телефон зажжужал в кармане.

Лизон:Посмотри вправо, парень сидит в углу в очках. Мамочки мои, надо с ним познакомиться!

Простое сообщение, но в мою грудь въехал молот.

Лизон: Ань, алло, отвлекись на секунду.

Я: Лиз, отвали, я не хочу по второму кругу публичный позор проходить.

Лизон: ну согласишься, красивый мальчик?

Как бы я хотела с ней не согласиться, не считать его привлекательным, не высматривать в прохожих схожие лица: янтарные глаза, непослушные каштановые волосы, которые вились к кончикам, высокие скулы... Все два года, что я приезжала на Ваську и заходила в случайные кофейни или булочные, я боялась встретить его, но при этом сердце выскакивало из клетки при виде любого парня с тёмными волосами и в очках.

Я: не в моем вкусе

Я порадовалась, что этот диалог имеет место лишь в переписке. Иначе Лиза за считанные секунды бы раскусила, что я вру — только по моим пылающим щекам стало бы ясно, как далеко от правды находится последнее утверждение.

Лизон: как же шикарно, что у нас разные вкусы, потому что я бы ради такого мяса отказалась бы на ночь от вегетарианства.

В голове тут же ожила картинка: высокий, спортивный, уверенный в себе Нестеров сидит за партой, в то время как моя красивая темноволосая подруга томно шепчет ему эту фразу, водя носиком по его ушной раковине, пока вся группа с завистью смотрит на влюбленных голубков.

Хотя я знаю Лизу — её интерес испарится за пару свиданий, поэтому в этой фантазии Нестеров останется сидеть за своей партой один, вздыхая от безответной любви. Будет добиваться её, приносить кофе к каждой паре, караулить у общежития в надежде поймать её взгляд — пока я буду стоять в сторонке и наблюдать за тем, как ведут себя с девушками, которые заслужили любви.

Она-то точно в его вкусе.

Я трянула головой, чтобы смахнуть с себя пыльные воспоминания. До конца пары оставалось пятнадцать минут, и мне уже не терпелось вернуться в тёплую постель и забыть про сегодняшний день. Никита Валерьевич продолжал разбор материала, но его слова словно оставались в звуконепроницаемой комнате, в стены которой я билась кулаками.

— Итак, вопрос к аудитории. Мы с вами обсудили особенности, которые обеспечивают устойчивость экономики Таиланда. Что позволяет стране сохранять конкурентные позиции на рынке инвесторов?

Я подняла руку, чтобы вернуть расположение преподавателя, которое из-за моего пропуска и инцидента со стаканом ушло в минусовую зону.

— Михаил, прозвучите.

Я резко опустила руку, даже убрала её в карман, придвинувшись к другому краю парты. Лиза развернулась к ответчику, не скрывая интерес. Я приковала взгляд к доске, пока мои щеки пылали от чувства, которое я была не в состоянии назвать.

— Да, конечно, Никита Валерьевич, — ответил призрак прошлого.

От звука его низкого голоса мне стало жарко и холодно одновременно — тело как будто не понимало, как реагировать, поэтому давало случайные сигналы в пальцы, спину, глаза, ноги.

— Во-первых, влияет география. Таиланд — важный логистический хаб в Юго-Восточной Азии со сравнительно дешевой рабочей силой, которая отличается неплохим уровнем квалификации.

Никита Валерьевич одобрительно кивнул.

— Есть возражения? — обратился он к залу, сканируя увлечённые лица слушателей. — Анна Жданова, что скажете? Даю вам шанс забыть про семейные обстоятельства и отличиться. Вы согласны с Михаилом?

Биение сердца отзывалось даже в лопатках. Я медленно встала, пытаюсь вернуть опору под ногами и очнуться, чтобы снова не ударить в грязь лицом и не опозориться перед преподавателем... и не только.

— Ответ, — пауза, — студента отчасти верный. Однако в последнее десятилетие стоимость рабочей силы существенно уступает ближайшим соседям, например, Вьетнаму или Камбодже, поэтому мы не можем считать это преимуществом — это некорректно.

Сказав это, я впервые осмелилась повернуть голову в его сторону. Нестеров, откинувшись на спинку стула, постукивал по парте карандашом. Я ожидала увидеть на его лице все, что угодно, только не это.

Улыбка.

Он улыбался.

Радость на его лице не разбавляли раздражение, презрение или хотя бы усмешка. Это была радость человека, который впервые увидел северное сияние или купил билеты в Диснейленд и уже стоит в очереди на первый аттракцион.

Его реакция меня обезоружила. Неужели он забыл наш последний разговор, в котором мы обменялись ядовитыми фразами и сожгли те зачатки дружбы, которые начали появляться на последней смене? Неужели я настолько незначительна в его жизни, что эти два года он ни разу не думал о том, что мы окажемся в одном городе, и не прокручивал в голове, как заевшую пленку, тот разговор, который распилил мою самооценку на части?

Я отвела взгляд. У меня не было желания заново вступать с ним в какие-либо отношения — особенно учитывая, что прошлая попытка увенчалась страшным провалом и вылилась в целую реку ночных рыданий.

Так, стоп, туда мыслями не идем, Ань.

— Но я ведь отметил, что в Таиланде рабочий труд отличается квалификацией, — уверенно парировал Нестеров.

Видимо, его не устроило мое безразличие, и он решил сделать то, что делал на протяжении всех пяти лет нашего общего времяпровождения в детстве. Поставил на стол тарелку своего высокомерия. Ну, получи порцию в ответ, Нестеров.

— Ну, вообще-то, — окрепшим от злости голосом продолжала я, — согласно последним данным, даже в том же Вьетнаме количество выпускников университетов растет стремительнее, в то время как огромный процент квалифицированных студентов Таиланда вынуждены реализовываться в туристической сфере.

Выкуси, Нестеров, меня тоже не пальцем делали.

Никита Валерьевич с азартом наблюдал за нашим обменом репликами — такой поединок на интеллектуальном ринге явно доставлял ему удовольствие. В вузе о нем ходила слава преподавателя, который любит строптивых студентов со своим мнением и даже ожидает, что среди покорных кивков увидит несогласных.

— Занятно, дорогие, очень занятно... А не сделать ли нам на следующей паре дебаты, чтобы в честной дискуссии понять, у кого из вас сильнее аргументы? Что думаете? Хорошая идея?

«Прекрасная», — с сарказмом прошипела я в мыслях, растягивая губы в осторожной улыбке. Еще вчера я была уверена, что никогда вновь не увижу его надменную рожу, сухие

длинные пальцы, каждый раз пробивающие чечетку по поверхности в моменты, когда он думает, и складку на лбу, которая делала его чуть старше своих лет.

Хотя я уже не понаслышке знала, как один день может превратить комедийный фильм в хоррор без хеппи-энда.

Жизнь испытывала меня на прочность, тыкала палками в оба бока, протаскивала через мясорубку — и вот только я думала, что все позади, как она наносила новый удар.

Сразу по косточкам. Без предупреждения.

— Тебе на обычном взять или на миндальном? — прокричала Лиза на весь холл из очереди за нашими ритуальными утренними чашками кофе.

— Без молока мне возьми, пожалуйста, — крикнула в ответ я, заноса американо в приложение по учету калорий.

Студентки вокруг обсуждали предстоящие контрольные и экзамены — я же пыталась прийти в себя после стрессовой пары.

Я надеялась, что следующее занятие у Нестерова будет на другом этаже или даже в соседнем корпусе и мы больше не пересечемся, как минимум, неделю. Все мои органы чувств были на стреме — в любую секунду я ожидала услышать его голос или даже хуже — услышать свое имя, произнесенное его низким тембром.

— Ань, алло? — Оказалось, Лизон уже вернулась, села напротив меня и теперь держала у моего лица кружку горячего чёрного кофе. Тёплый ароматный пар приятно овеял лицо и дал хотя бы на секунду отвлечься от фоновой тревоги.

— Да, я в мыслях потерялась просто, — ответила я, делая первый глоток.

Лиза попутешествовала взглядом по моему лицу в надежде пробраться через мою броню и вытащить на свет настоящие чувства, а не дежурные ответы. Как бы дать ей понять, чтобы даже не пыталась расчищать авгиевы конюшни моей головы?.. Я сама затерялась, где реальность и искренность, а где симуляция, в которой прошлой недели просто не существовало.

— Ты же знаешь, что я рядом и приеду к тебе в первую же секунду, когда тебе нужно будет? — сказала подруга. Конечно, я верила каждому её слову.

Отодвинув кофе в сторону, Лизон взяла мои ладони и прижала их в своим щекам. К моим глазам подступили слезы от осознания, что она ничего не требует от меня взамен и просто находится рядом, подставляя плечо для поддержки — и дожидаясь, когда я выйду из темноты и снова начну нуждаться в подруге.

— Я помешаю?

О нет. Стоило меня потерять бдительность и перестать поглядывать по сторонам, как призрак прошлого бесшумно подлетел к нашему столику у окна и навис над нами, своим почти двухметровым ростом создавая тень.

Глаза Лизы сверкнули. Она тут же вскинула подбородок, чтобы использовать свое фирменное орудие — пристальный взгляд жертвам в глаза до тех пор, пока они не упадут на колени перед ней и не начнут целовать кончики пальцев.

— Конечно нет, — кокетливо поправляя волосы, она кивнула в сторону свободного стула, который стоял между нами, как будто ждал посетителя. — Как к тебе обращаться, красавчик?

Я наблюдала за ними обоими, стараясь скрыть адский дискомфорт от ситуации. Неприятно было все: и то, что Нестеров сидит на расстоянии вытянутой руки от меня, и то, что Лиза не скрывает свои охотничьи планы и уже целится в его сердце луком амазонки... И то, что я не понимаю, как себя вести: продолжать делать вид, что мы не знакомы, или, наоборот, четко дать понять, что я прекрасно помню, на какой ноте закончилась наша песня.

— Миша Нестеров, — улыбнулся ей в ответ, — а твое имя будет...

— Лиза, приятно познакомиться, — подруга перевела взгляд на меня, — а это Аня, она у меня всегда не очень дружелюбна с новыми людьми, не принимай на свой счёт.

— Я знаю, мы с Аней уже семь лет знакомы.

Из-за бледной кожи румянец на щеках было невозможно скрыть, но после ответа Нестерова у меня покраснели даже уши. Игривость Лизы сменилась на недоумение: конечно, ведь в нашей дружбе мы не врали и ничего не замалчивали, а я сделала и то, и другое. Скрыла от неё факт, что прекрасно знаю «красавчика», ради которого она готова была пожертвовать десятилетним отказом от мяса.

— Рад тебя снова увидеть, Ань, — Нестеров повернулся в мою сторону и протянул руку, чтобы подкрепить слова действиями.

Но я-то прекрасно знаю, как его слова могут расходиться с тем, что он чувствует и делает. Я не куплюсь на это во второй раз. Сердце, которое тогда разлетелось на части, я собирала весь первый курс, так что его руку в ответ мне хотелось не просто пожать, а сжать так, чтобы сломать пару пальцев.

Я кивнула, даже не пытаясь выдавить из себя улыбку.

— Вы знакомы? Ань, алло, а чего ты не сказала?

— Забылась, — ответила я в надежде, что разговор утонет и Лиза перестанет допытываться, почему я умолчала о совместном прошлом с новым однокурсником.

— А я думал, у тебя феноменальная память, Ань. Во всяком случае, ты отличалась этим на смене, — он усмехнулся, покачал головой и перевел внимание на мою подругу, — но я все помню и могу пересказать. Мы с Аней несколько лет ездили в один лагерь под Казанью, играли в одной команде «Ч. Г. К.», даже в одном отряде были.

Его слова подняли со дна воспоминания, которые я специально собрала метлой в одну кучу, засунула в коробку и спрятала на чердак до момента, пока не будет так ядовито больно.

— Ты что тут делаешь? — бесцеремонно спросила я.

— Учусь, а ты? — отбив мой вопрос вопросом, он прищуренно посмотрел на меня.

— Я серьёзно спрашиваю. Ни разу не видела тебя в университете и на студенческих мероприятиях.

— У меня нет на них времени, да и пары по моей образовательной программе проходят в новом корпусе на Ваське.

Значит, твоя мечта сбылась.

Однако за два года высокомерия в нем не стало меньше. Все тот же Нестеров, у которого нет времени на дела простых смертных.

— Ну тогда не будем тратить твое время и сейчас, — ответила я, подхватывая со стола телефон, ключи и чашку кофе. — Пойдем, Лиз?

Её взгляд забежал между нами. Подруга пребывала в растерянности — и из-за моей резкой реакции, и из-за нашего с Нестеровым диалога, за любезностью которого скрывалось желание расцарапать друг другу лица. С моей стороны — уж точно.

Мы уже почти покинули студенческую кофейню, как в спину донеслась фраза:

— Соболезную, Ань.

Из моих лёгких разом выкачали весь воздух. Грудь сперло, как будто прямо в сердце сделали укол без лидокаина и по венам потекла жгучая, невыносимая боль, от которой невозможно было избавиться.

Ну зачем ты так со мной, Миша?

Глава 7. Сыграешь со мной?

— Да ладно, ты серьёзно? — после залпа визга в комнате спросила Альбина.

— Я сама в шоке, девочки, но да — я девушка Рината Замалиева! — с улыбкой подтвердила Алёна.

Она гладила пальцами миниатюрную серебряную цепочку с небольшим, еле заметным подвесом в виде бесконечности. Ринат подарил ей его в честь официального начала отношений. Или как он сказал — цитата: «официального финала делания друг другу мозгов».

Весь Бабсовет искренне радовался за двух тормозов — всё-таки мы пять лет наблюдали, как они каждое лето не отлипали друг от друга и то и дело пропадали, занимаясь чёрт знает чем, но как по методичке в последний день смены после часовых объятий расставались на год и даже не переписывались.

— Посмотрим, сколько все продлится на этот раз, — холодно отметила Мила.

Ауч, это было прямолинейно... Хотя она имела полное право на ледяную реакцию, потому что после летних расставаний этих двоих именно её плечо превращалось в платок, пропитанный горькими слезами Алёны. Наша эмоциональная подруга умирала после каждой смены, а потом возрождалась, как феникс, снова попав в объятия зеленоглазого татарина.

Улыбка Алёны тут же исчезла, и я решила влезть со своими пятью копейками:

— Сколько продлится, столько и продлится, не надо портить ей настроение, — и приобняла Алёну за плечи. Она заслужила хотя бы один день повитать в счастливом облаке чувств, а не иметь дело с отрезвляющей реальностью, которую всегда отстаивала наша рыжая подруга.

Мила промолчала, но её взгляд кричал, что мой комментарий был лишний.

У меня не было ни малейшего желания создавать лишнее напряжение в компании, поэтому я улыбнулась и протянула ей мизинчик в знак перемирия. Это был наш с ней жест сосуществования как двух огней компании. Я горела быстро — как спичка: за несколько секунд разгонялась и тут же остывала, будто ничего и не было. Мила горела как костер: подкидываешь дрова, бумагу, уголь — ничего, а потом от одного случайного слова вспыхивал пожар и не угасал месяц.

Мила кивнула и дотронулась до меня своим длинным пальцем с не менее длинным красным ногтем. Сколько помню, она всегда делала алый маникюр: чтобы сразу понятно было, кого нельзя трогать, иначе расцарапает.

Близился вечер, и на жилые корпуса уже начала опускаться желто-оранжевая сетка заката. У нас оставался час до общей отрядной встречи, на которой мы будем обсуждать первое командное представление. Меня уже охватило приятное волнение — совсем скоро я войду в

среду, в которой я как рыба в воде: буду придумывать, организовывать, собирать, танцевать... Жить. Дышать.

Выпускные классы в школе меня душили, как монстр с десятками щупалец. Учителя твердят, что не сдашь, репетитор говорит, что справишься, но надо больше стараться, родители переживают, что ты плохо спишь, одноклассники нагоняют тревогу после каждого внесенного изменения в экзаменационные вопросы. Ах да, и ты сам повышаешь давление сомнениями и страхом за свое будущее.

Как же чудесно осознавать, что все это позади и сейчас в твоих ладонях теплится месяц беззаботного лета в компании людей, которых ты обожаешь...

— Отря-я-я-я-яд, собираемся! — раздался звонкий голос Гузы, которая закончила все административные дела и устроила рейд по всем комнатам нашего корпуса, чтобы расшевелить развалившихся на кроватях ребят.

Первой из комнаты вышла Эл, на которой почему-то весь день не было лица. Я поплелась следом, натягивая на себя оверсайз толстовку и попутно надевая первые попавшиеся шлепанцы. Народ уже скапливался в коридоре: кто-то старался наговориться за год разлуки, кто-то лениво потягивался, явно собирая себя заново после дрёмы. На скамейке Ринат почти с пеной у рта что-то рассказывал сидящему рядом Нестерову. Я хотела обнять приятеля и лично поздравить с важным для него шагом, но подходить близко к его лучшему другу в планы не входило, особенно после его обеденной выходки с надзором моей тарелки.

— Ребята, прекращаем мешкаться! У вас осталось два часа до ужина, чтобы придумать, как вы назовете отряд и как представите себя лагерю, — Тимур взялся подгонять ребят в сторону комнаты отдыха.

Мы с Альбишей и Алёной заняли диван у книжного стеллажа.

— Нет, нет, нет, — проговорил Ринат, хватая *свою* девушку за руку и притягивая к себе на колени, — твое место здесь. Я и так на час отдал тебя подругам, их время закончилось.

Алёна попыталась вырваться из его объятий и слезть с колен, но он был в три раза больше нашей Дюймовочки.

— Я не буду на коленях придумывать визитку отряда, Ринат, отпусти, — пытаюсь придать своему голосу строгости, она сделала серьёзное лицо и щелкнула парня по носу.

Он усмехнулся, еще крепче прижимая её к себе и делая миссию выбраться из его объятий невозможной.

— Не надо у отряда на коленях, Лёнь, только на моих. Слышали все? Особенно к парням обращаюсь! — И Ринат начал в красках изображать, что произойдет с теми, кто косо посмотрит на его девушку.

— Ну что, начнем? — Контрол-фрик во мне зашевелился: часики до выступления тикали уже не шёпотом, а басом. — У кого какие идеи, предложения? Что будем делать на выступлении?

— Не логичнее ли сначала придумать название, а потом уже от него и выступление?

Угадайте с одного раза, кто сразу же начал мне перечить?

— Хорошо, король логики, тогда предлагай название, — прыснула я на него ядом, даже не поворачиваясь.

Как только Нестеров попытался подавать голос, я тут же перебила:

— Спасибо, следующий, — и подчеркнуто улыбнулась, уловив в его взгляде раздражение.

— У, два быка уже начали бодаться! — засмеялась Гуза. — Но у нас демократия, так что поступим старым добрым способом и проголосуем. Поднимите руки, кто считает, что надо начать с выступления.

Восемь рук, из которых две принадлежали моим подругам и еще пара — мальчикам, с которыми я еще не успела близко познакомиться. А нет, девять, потому что Алёна потянула за локоть Рината.

— Прости, бро, но я под каблуком сегодня, — он бросил на друга жалобный взгляд и подмигнул мне в знак поддержки.

— Хорошо, теперь отзовитесь те, кто сперва хочет определиться с названием.

«Раз, два, три...» — начала подсчёт я, чтобы убедиться...

— Десять, — озвучила свой вердикт Гуза. — Тогда сначала выбираем название!

Я обернулась на Нестерова — тот лишь мягко улыбнулся и пожал плечами, плохо скрывая удовольствие от выигранного боя. Ну почему ему обязательно каждый раз ставить мне палки в колеса и доказывать своё превосходство? Проблема заключалась в том, что в наших поединках я часто оказывалась за бортом, просто потому что я девочка. Нам надо вывернуть себя наизнанку, сделать три сальто назад и завершить это готовкой трехэтажного свадебного торта, чтобы заслужить снисходительную улыбку — в то время как парням достаточно было мыться, чтобы все уже считали это невероятным подвигом, достойным стоячих оваций.

Ну ничего, в этом году я заберу у него командирство — еще поквитаюсь за то, что в прошлом он согласился с тем, будто я не потяну лидерство в финале. Мне до сих пор было обидно, что лагерный тренер обесценил мои старания и поступил как последний мудака, отдав предпочтение Мише в решающий момент.

Мы резво придумали название отряда, распределили задачи и принялись репетировать выступление. Алёна взялась ставить общий танец, Альбишка, как всегда, наотрез отказалась выходить на сцену и показывать всем, по её словам, сколько медведей оттоптало ей уши, поэтому вызвалась нарисовать декорации и плакат отряда.

Я же сидела над речью, которую нам с Ринатом поручили написать в паре. Мы с ним вышли наружу к беседке, чтобы не отвлекать остальных, и теперь перебирали смыслы, фразы, метафоры и обороты, чтобы все звучало так, будто нам вручают Оскар, к которому мы шли десятилетиями.

— Можно нескромный вопрос? Только обещай сразу не царапаться, — Ринат отложил листок и ручку и взглянул на меня.

— Смотря какой...

— Почему ты терпеть не можешь Мишу?

Он застал меня врасплох.

— Тебе кажется. Он не вызывает у меня никаких эмоций, мне на него абсолютно всё равно, — попыталась защититься я. — К чему эти дознания?

Ринат прищурился, давая понять, что не поверил ни одному моему слову.

— Ань, ну давай без этого — и ты, и я знаем, что это неправда. Вы как кошка с собакой, все играете друг у друга на нервах, пока мы, простые смертные, наблюдаем за вашими гладитаторскими боями. Он тебя обидел, что ли? Мне ему надавать хорошенько для профилактики?

— Не надо, я сама справлюсь, если до этого дойдет, — его поддержка мне была очень приятна, поэтому я не удержалась от улыбки. — Мы просто друг другу не нравимся, так бывает.

— Ну он тебе, может, и не нравится, но Мишлен не испытывает к тебе неприязнь. Я в этом уверен на триста процентов. Даже наоборот — ты вызываешь у него интерес.

— Не носи ерунду, Ринат, какой еще интерес?

Его слова вызвали у меня странные ощущения: как будто под грудью привязали крючок и потянули несколько раз вверх. Это не радость, не волнение, не смущение и не злость — а все вместе в одной большой кружке, которую только что выпил залпом.

— Он не раз мне пересказывал ваши диалоги на играх, хотя я ясно давал ему понять, что ни черта в ваших «К. Ч. Г.» не понимаю и понимать не хочу.

— «Ч. Г. К.», придурок! — рассмеялась я.

— Вот видишь, насколько я далек от ваших ботанских игрушек. Не в этом суть. Я хочу поспорить с тобой.

— Поспорить? — с недоумением переспросила я.

— Да, на желание.

— В чем суть спора-то? Переходи к делу, пока я не передумала тебя слушать.

— Если вы с Мишей подружитесь за смену, ты будешь мне должна. Если останетесь на том же месте, ненавидя, — Ринат пальцами изобразил кавычки, — друг друга, то желание останется на твоём счету.

Он протянул свою руку, ожидая закрепить наш уговор священным жестом. Прижавшись грудью к деревянному столу, за которым мы выполняли задание, я смотрела на приятеля так, будто не понимаю, шутит ли он или на полном серьезе предлагает спор. Разве он не помнит, что за все пять лет знакомства мы с Нестеровым ни на шаг не продвинулись даже к тому, чтобы просто терпеть друг друга? Ринат, наверное, думает, что на смену прилетит волшебник и насыплет нам в каши порошок дружбы, после которого мы станем ходить за ручку и дарить друг другу наклейки. Бред.

— Это не смешно, Ринат, — я отодвинула его руку.

— Где ты увидела на моем лице улыбку? — Он прошелся той же ладонью по физиономии и придал той нарочито серьёзное выражение. — Не трусь, Ань, соглашайся.

Его ладонь во второй раз зависла передо мной в воздухе, приглашая проверить его теорию.

Я взяла несколько секунд на то, чтобы взвесить все «за» и «против». Уверенность в том, что ни в одной ветке развития событий в Мультивселенной нет варианта, где мы с Мишей дружим, возвышалась, как монумент, посередине моего сознания. И века не хватит, чтобы растопить огромный айсберг, в который уткнулись носы наших кораблей.

Значит, я ничего не теряю.

Протягиваю ладонь в ответ — и получаю чеширскую улыбку Рината, который уже поймал мою руку и стиснул в своей, не давая даже шанса передумать.

— Мишлен, иди сюда, — крикнул он, обернувшись на рисующего плакат Нестерова. Тот помогал Альбине с декорациями.

Я принялась резко вырывать руку, не желая, чтобы Ринат публично объявил о нашем с ним уговоре. Больше всего в жизни я ненавидела, когда меняставляли в идиотском свете, а согласие на этот спор делало меня первой клоунессой лагеря. Догадываюсь, что подумает Нестеров.

А он в это время поднялся с корточек, с недоумением посмотрел на нас и медленно двинулся к беседке.

— Что тут у вас происходит? — подойдя ближе, Нестеров навис над нами — одет он был в зелёную флисовую рубашку, из-под которой виднелась футболка с созвездием Большой Медведицы.

— Разбей, — сказал Ринат только одно слово.

— На что спорите-то? — Миша смотрел то на друга, то на меня.

— Не твоё дело, это наша с Аней маленькая тайна. Разбей, — он приподнял мою руку и настойчиво встряхнул.

Нестеров разделил наши ладони резким движением руки. Ринат вскочил с лавочки, лениво потянулся, разминая затекшие мышцы, и направился в сторону своей девушки, напоследок бросив мне знающую улыбку.

— Начинайте.

Фраза влетела в меня как помидор, раскрасив щеки стыдливым румянцем. Нестеров пребывал все там же — в недоумении.

Весь корпус поднялся на уши. Каждая комната в турборежиме собиралась на вечернее выступление всех отрядов, оставляя за собой беспорядок. Мы с девочками ничего не успевали:

вожатые уже кричали, что надо собираться в актовом зале, а Алёна все еще стояла в одних трусах, выбирая платье, Альбишка стирала пятую неудачную стрелку, а я пыталась собрать непослушные волосы в пучок. Только Мила и Эл уже стояли у выхода и ждали, пока мы будем готовы.

К актовому залу мы не шли, а бежали, смеясь, спотыкаясь и подпрыгивая от волнения. Почти все места оказались занятыми, свободными остались только почти у самой сцены — протиснувшись через ребят, мы плюхнулись на сиденья первого ряда.

Из колонок по бокам раздалась музыка, на сцену поднялись вожатые и начали танцевать, разогревая публику. По моему телу пронеслись мурашки — с песнями включился мандраж. Я открывала наше выступление — зачитывала речь. От меня зависело, увлечется ли публика, поэтому я обязана выдать максимум энергии и не оставить себе ни крошки, ни капельки.

Я огляделась. Ребята восторженно подпевали вожатым, хлопая в такт мелодии. Где-то сзади кто-то шёпотом объяснял другу, в какой момент он должен выйти и произнести коронную фразу. Всего несколько свободных красных стульев сияли проредью в первом ряду, собирая свет софитов со сцены. По краям от серых стен к потолку тянулась мозаичная линия. Как-то одной зимней ночью мне даже приснился этот актовый зал: темнота, я на сцене и линия, на которую я смотрю.

В конце зала у стены стояла Ралина, наша старшая подруга, продвинувшаяся по карьерной лестнице до вожатой. На ней были простая белая футболка и джинсы, но копна густых длинных чёрных волос, собранных в косичку и украшенных чулпой, делала образ интересным и запоминающимся. Бурно жестикулируя, Ралина что-то рассказывала своему напарнику по отряду, длинноволосому Камиллю. Тот в ответ закатывал глаза — они уже начали спорить, хотя ещё даже дня не проработали вместе.

Подруга заметила мой взгляд и, прекратив дебаты, улыбнулась. Камиль же уставился на Милу, которая разглядывала свой маникюр справа от меня. Его жадный взгляд вызвал у меня необъяснимое чувство тревоги. Захотелось спрятаться — и спрятать от него Милу, которая даже не догадывалась, что стала объектом такого пристального внимания.

— Ань, ты готова? Наш отряд следующий, — прошептала Алёна, которая была уже на низком старте.

Сердце не застучало, а заколотило так, как будто его вынули, а на то же место поставили молоток. Я поднялась с места и на ватных ногах направилась за кулисы, чтобы помочь ребятам поставить все декорации и настроиться на выступление.

Моя помощь не потребовалась, потому что Альбишка с Нестеровым уже все сделали. Они отказались выступать и взяли на себя администрирование. Схватившись за кулису, я сделала несколько медленных вдохов и выдохов, чтобы успокоить разъярившийся пульс.

Минутная готовность.

— Девятый отряд на сцену! — объявили ведущие.

— Ни пуха, — раздался мужской шёпот почти прямо мне на ухо.

— К чёрту! — машинально ответила я, только потом, уже выйдя на сцену, осознав, кто мне это сказал.

— Ань, ну шикарно выступила! — Альбина обняла меня и шёпотом продолжала нахваливать, пока мы трое стояли за кулисами и наблюдали за той частью номера, что разворачивалась после моего открывающего слова.

— Да ну, брось, как обычно уж, — я не умела принимать комплименты молча.

— «Как обычно» — шикарно! В зале даже не пискнули, пока ты говорила, — ты их зацепила с первой секунды.

— Она права, — вклинился Миша, не переставая крутить в руке кубик Рубика, — нас тоже.

— Поэтому ты кубик теребишь?

— Нет, тереблю не поэтому, — его светло-карие глаза насмешливо блеснули сквозь линзы, — а для удовольствия.

Альбиша заржала в голос и тут же поспешно закрыла рот рукой, чтобы в зале не услышали её непрекращающуюся истерику. Она была из тех девчонок, кого рассмешит любая глупость: покрутишь палец у носа — а через три секунды она уже на полу и не может остановить смех.

Приняв мяч на свою сторону, я приготовилась вернуть удар.

— Ну да, — прошипела я, — похоже, тебе только такое удовольствие и доступно.

— Предлагаешь другое? — не отрывая глаз от разноцветного кубика, ответил Миша под саундтрек из хихиканья моей подруги.

Ань, не сдавайся, думай.

— Да, смотри, — дождавшись, когда он поднимет голову, я поднесла кулачок ко рту, дунула на него и подняла один палец. Средний. — Подходит?

Нестеров промолчал, уставившись на меня и заиграв желваками. Я никогда не видела глаз такого оттенка — в шаге от того, чтобы их назвали желтыми, они темнели к карим ближе к краям радужек. Даже генетика решила показать, насколько он не похож на других — не то что мой прозаичный карий, который встречался у каждого второго.

Молчание оборвали овации из зала, танцоры начали стягиваться на поклон. Первой сообщила выйти на сцену Альбина, мы побежали за ней. Весь отряд уже держался за руки, создавая крепкую дружескую цепочку. Нестеров встал с краю и непринужденно протянул мне руку, чтобы я замкнула линейку. Не став вести себя как пятилетний ребёнок и отнекиваться, я схватила его длинные пальцы и замерла рядом.

Руки у него оказались ледяными, поэтому я машинально сжала ладонь, чтобы немного поделиться теплом. Он ответил на импульс еле заметным поглаживанием по тыльной стороне моей ладони.

Как только поклон закончился, я тут же выдернула руку и потерла её о джинсы, чтобы перебить мягкое прикосновение грубой тканью. Вернувшись на место в зале и постепенно приходя в себя, я начала перебирать в голове все возможные причины, по которым мое тело так отреагировало на простой жест, которому в обычных обстоятельствах я бы даже не придала значения.

Сцена снова ожила, встречая следующие отряды.

Раздалась музыка, потух свет.

А я осталась все там же. На краю линейки в поклоне.

— Ну ты чего стоишь у стены, пойдем танцевать? — сквозь громкие биты кричала мне вспотевшая Алёна, которая только что отжигала под хит Serebro.

— Да я не слушаю такую музыку, ты же знаешь, — отнекивалась я, продолжая смотреть на движущиеся тела из угла зала.

— А ты не слушай, ты танцуй! — не принимая мои возражения всерьез, Алёна потащила меня в круг друзей. Там уже дрыгался Ринат, который совершенно не обладал слухом и не попадал в ноты — впрочем, это не мешало ему трясти кулаками и топать ногами. Эл и Альбиша держались за руки и наперебой кричали текст песни, а вот Милы и вовсе в актовом зале не было — она исчезла сразу же после выступлений.

Дискошар впитывал в себя разноцветные огни и раскидывал их по всему помещению с утроенной силой. Прыгая с места на место и празднуя вместе с нами первый день смены, блики раскрашивали лица всех оставшихся в зале. Трек сменился, и из колонок неожиданно прошлому выбору музыки заиграл ремикс на песню «Крылья» моего любимого «Наутилуса».

Мое тело тут же отозвалось знакомым нотам, и я начала двигаться в такт песне, которую знала наизусть.

— Наконец-то годный трек включили, — неожиданно для меня, это сказал Миша и влился шестым в наш круг, встав рядом с Ринатом, которому было всё равно под что трясти задницей.

Я удивилась — не думала, что он слушает подобную музыку. Была убеждена, что такие, как Нестеров, не имеют достаточно свободного времени, чтобы тратить его на прослушивание устаревших песен.

Но я не застряла в размышлениях — «Наутилус» унес меня на этаж ощущений, где не существовало ничего, кроме легендарных строчек и дрожи монотонного, пронизывающего все клетки тела низкого тембра Бутусова. Он пел о том, как люди постепенно теряют способность летать, как с корнями выдирают из себя мечты, устремление, легкость и живость... А я находилась в месте, где все эти качества расцветают, как бутоны весной.

Песня прервалась, по микрофону несколько раз постучали, чтобы привлечь внимание. Диджей объявил первый медленный танец, и всех потянуло в разные стороны — одни разбивались на пары прямо на танцполе, другие примагнитились к стене в ожидании, что кто-то их пригласит. Я была из вторых.

Нет, я не ждала приглашений потанцевать и на несколько из них отвечала вежливым «нет». Зато мне нравилась мысль, что когда-нибудь, в будущем, лет, может, через пять, мне встретится человек, с которым я не захочу пропускать ни один медленный танец, ни один счастливый момент — ни даже горестный или болезненный. Я верила, что где-то сейчас моя будущая любовь точно так же стоит в сторонке и ждет, когда мы встретимся.

Как, например, встретились Ринат и Алёна, которые сейчас плыли по музыке, глядя друг друга по спинам и то и дело соединяясь в медленном нежном поцелуе. Ему приходилось приседать и скручиваться, чтобы девушка ниже его почти на три головы могла дотянуться до его губ. Они были похожи на Машу и Медведя из мультика — только в тело медведя вселилась вертлявая мартышка.

Посмеявшись над пришедшим на ум сравнением, я продолжила высматривать других знакомых. Альбишу пригласил парень из другого отряда; Эл, сидя на скамейке, очень грустно посматривала в телефон.

Прямо напротив меня, как по линейке, у другой стены стоял Миша и так же осматривал зал. Если я наблюдала с интересом, то его поза кричала, что ему скучно: одним плечом упираясь в стену, Нестеров разминал пальцы, пока свободные девочки ждали, когда он очнётся и пригласит их на медленный танец.

Я уже хотела отвернуть голову и перестать на него смотреть, как он поймал меня с поличным и вопросительно мотнул головой в сторону. Затем поднял кулак и начал им потряхивать вверх-вниз.

Нахмутив брови, я одними губами произнесла: «Что?» — так, чтобы по выражению лица он понял, в какое недоумение меня привели его загадочные действия. Он повторил движение кулаком, а затем изобразил пальцами ножницы, приглашая сыграть с ним в су-е-фа.

Бывает же, когда в мае вдруг выпадает снег, хотя еще вчера ты уже убрал пальто и сменил его на джинсовку? Примерно такие же чувства испытала я, пока Миша продолжал смотреть на меня с кулаком на весу.

Я медленно подняла свой в ответ. Нестеров улыбнулся, и скука, хозяйствующая на его лице, вмиг исчезла.

Су-е-фа. Делаю робкий взмах рукой.

У меня «камень», у него «бумага». 1:0 в его пользу.

Су-е-фа. Азарт начинает закипать в крови.

У меня «ножницы», у него «бумага». 1:1, возвращаю ничью и ликую. Он смеется и показывает три пальца, обозначая победную линию.

Су-е-фа.

Не меняю «ножницы», а он ставит «камень». 2:1, чёрт, он снова забирает первенство. Улыбка не сходит с его наглого лица.

Су-е-фа.

Выбрасываю «бумагу», а он сжимает ладонь в «камень».

Миша, я снова тебя догнала.

Решающий раунд, смотрим друг другу в глаза.

Музыка стихает, и меня заключает в объятия восторженная Альбишка, чуть не лопающаяся от гордости за то, что не провела медляк у стены.

Финал мы не сыграли.

Глава 8. Хочу уснуть навсегда

В моем личном аду без перерыва звонит будильник, а я всё бегу, чтобы его перенести, но не успеваю, и мелодия играет заново.

Чёрт, новый день. Матрица перезапустилась. Привстал на локти, чтобы прийти в себя, пока сосед по общежитию шикал на мое раннее пробуждение и требовал быть потише. Утро еще толком не началось, а мне уже нагрубили.

Протер несколько раз глаза, представляя, что ладони мои обтянуты не кожей, а наждачкой, и я вытру себе зрачки, чтобы не видеть грязный мартовский Питер. Каждый квадратный сантиметр пола общежития встречал привычным для ночи холодом, пока я, пробираясь через темную комнату, искал средства личной гигиены, чтобы умыться.

Мой день стабильно начинался в пять утра. Я чистил зубы, ополаскивал лицо, быстро закидывал в себя кашу и чай с тремя ложками сахара. После надевал свою курьерскую форму и бежал на трехчасовую смену, чтобы до первой пары успеть разогнать по району заказы. Затем — пулей обратно в общежитие переодеться и на пары. Хорошо хоть учебный корпус в пяти минутах ходьбы, иначе я бы не вывез такой распорядок дня. После пар доделываю домашку, репетиторствую с отстающими студентами где-то до восьми. Потом снова общежитие, снова курьерская форма, и лишь после полуночи меня встречает кровать на честно заработанные пять часов сна.

Такое плотное расписание — цена моей свободы. Отец размахивал перед моим носом жирным кошельком, постоянно подкидывая деньги на карту, которые я в ту же секунду отправлял ему обратно. Подавись и сдохни.

Мне хватало того, что он постоянно шантажировал меня платой за обучение и грозился обнулить мои шансы получить нормальное образование. Он упивался властью, которую получил по праву рождения, прекрасно понимая, что как только я получу диплом и подкину в небо шапку-академку, его номер отправится в блок, а напоминанием о его лице будут служить только горбинка на носу и ямочка на подбородке, которые я от него унаследовал.

Я готов был платить сном за тот крошечный островок самоуважения и контроля, который оставался в моих руках, пока я платил за еду, одежду и кофе. Три балла отобрали у меня место на бюджете, и мама настояла на том, чтобы я выключил гордость и принял деньги, которые папа готовил на обучение в лучшем вузе Питера. На меньшее он не согласился, потому что надо же хвастаться своим пузатым друзьям о «корочке» единственного сына.

Рассвело, но серые тяжелые тучи спрятали солнце. Народ проснулся и быстрым шагом двинулся к автобусным остановкам, чтобы продолжить мотать пятидневку. Пасмурная погода заразила лица хмуростью, и даже лужи на асфальте походили на чьи-то слезы.

Рассекая дороги на самокате под громкий бас в наушниках, я направлялся к точке выдачи заказов, чтобы забрать все в свой желтый рюкзак и построить удобный маршрут. За смену я получал полторы тысячи рублей. Небольшие деньги, я бы мог заработать столько же на лишние трёх часах репетиторства, но утро и вечер в движении отгоняли от меня тревоги и отвлекали от самокопания, в которое я падал в любое свободное от учёбы и работы время.

Трек в наушниках прервался звонком. Опершись на правую ногу, я зубами стянул перчатки и полез проверять, кто беспокоит меня в такую рань.

На тёмном экране высветилось имя контакта: «Предатель». Я тут же сбросил вызов, не желая мारаться об его голос с утра пораньше. Но отец продолжил настойчиво звонить, не давая покоя моим барабанным перепонкам.

Я затормозил и резко откинул самокат в сторону — он с грохотом упал на бордюр.

— Чего тебе? — прошипел я в трубку.

— Тон сбавь, нормально с отцом разговаривай, — я представил, как он сидит в своем большом кабинете, медленно попивая кофе, который ему сделала его секретарша. Ставлю все деньги на то, что её он тоже уже трахнул.

— Решил с утра в отца поиграть? Окей, давай поиграем, папуль, — процедил, нервно поднимая с асфальта самокат за испачкавшийся руль. — Что тебе нужно?

— Ты где опять? Печкиным подрабатываешь снова?

Для отца доставщики были недостойны даже кивка в сторону, не то что полноценного приветствия. Наверное, это тоже подстегнуло меня пойти работать — желание тыкнуть своей желтой формой в папино раздутое эго.

— Повторяю свой вопрос ещё раз и бросаю трубку. Что тебе нужно? Я занят.

— Тебе на почту придет письмо с приглашением. В мае в Питере будет важная инженерная выставка, моя компания в числе организаторов. Дресс-код официальный.

— И?

— В смысле «и»? — переспросил он, явно закипая от моего не просто односложного, а однозвучного ответа.

— Мне зачем эта информация?

— Потому что ты идешь, Михаил.

— Нет, я не иду, Дмитрий. — Я просто поражаюсь его наглости и оторванности от реальности в плане наших с ним отношений.

— Это не обсуждается. Другие спонсоры хотят увидеть, кто станет директором компании после меня. Ты думал, я просто так плачу за твою учёбу? Это мое вложение в будущее компании.

Нервный смех заклокотал в груди где-то рядом с разбитым им несколько лет назад сердцем. Вся злость на него ушла в год, когда я увидел в трясущихся руках мамы телефон, сдавший отца с поличным. Я подбежал к ней, встревожившись, что кто-то из семьи погиб или заболел. До сих пор помнил её красные глаза, боль и отчаяние в них...

В тот момент во мне действительно что-то погибло. Наверное, представления о семье, любви и преданности, которыми нас кормили в сказках со счастливым концом. Жизнь же сняла вставные блестящие челюсти и обнажила в улыбке вонючие гнилые зубы.

— Я заберу документы завтра, если ты еще раз ими пригроишь, — с меня уже хватит.

— Прекрати истерить. Проверь почту и просто прочитай, что за мероприятие, Миш. Такие, как ты, нужны нашей компании, это я не как отец тебе говорю, а как руководитель.

Мне знаком твой язык, пап. Ты только и делаешь, что указываешь, поправляешь, критикуешь, тычешь в нос. Ничего нового.

Я уже хотел сбрасывать, но вопрос сорвался с языка сам.

— Ты Алисе позвонил?

С сестрой они поддерживали связь. Ей было всего семь лет, когда родители разошлись, и она быстро забыла, через какую мясорубку пропустил нас отец и в какого призрака на год после развода превратил маму. Я не лез в их отношения, потому что не хотел лишать сестру папы, в котором она с самого рождения не чаяла души — как только Алиса пришла в нашу семью, она стала в ней центром притяжения.

Помню, как мама вернулась домой из роддома с маленьким свертком, аккуратно положила его на кровать и позвала меня посмотреть на сестру. Отец лежал рядом с Алисой, охраняя её сон, пока она ручкой сжимала его большой палец. Он тогда прошептал, что мы оба — главное, что есть в его жизни. Я прилег рядом с ними, прижимаясь к его сердцу и искренне веря, что он говорит правду. Зря.

— Конечно, позвонил. Я даже заезжал к ним домой, Лара торт сделала.

— Мама тоже была с вами? — в груди кольнуло.

— Да, мы как раз обсуждали, что тебе неплохо бы переселиться в отдельную квартиру, а не собирать вшей по общагам.

Похоже, даже мама уже отходила от обид и восстанавливала с ним отношения. Хотя оно и понятно — ведь её сердце состояло из тёплого подтаявшего масла и клубничного джема. Как можно даже единожды взглянуть на другую женщину, когда у тебя есть та, благодаря которой придумали слово «нежность»?

— Мне надо бежать, — оборвав нравоучения, я со всей силы нажал на сброс, снова включил басы и помчался в точку назначения.

Аудитория уже почти опустела к моменту, когда я собрал все свои вещи и двинулся к двери. Четыре пары прожито, осталось два класса репетиторства. За окном уже было темно — горело лишь несколько ленивых фонарей, — задувал ветер. В здании университета стоял собачий холод, от которого толстовка меня не спасала, так что я решил захватить горячий чай в столовой и посидеть в библиотеке.

В читальном зале несколько студентов тихо печатали что-то на ноутбуках. Мой любимый интровертский угол оказался свободен, поэтому я решил провести там в одиночестве хотя бы тридцать минут. Уже взял нужный курс, как вдруг кто-то похлопал меня по плечу.

— Михаил, добрый вечер, — это оказалась администратор нашей учебной программы. Знала она меня в лицо, потому что с самого начала курса я донимал её вопросами, возможен ли перевод на бюджет.

— Здравствуйте, Елена Владимировна, чего так задерживаетесь? — улыбнулся я, искренне радуясь случайной встрече.

— Документами завалило, вот пришла распечатать, у моего в кабинете только завтра краску обновят. У меня есть новости.

Нахмутив брови, я смотрел на администратора, не понимая, что она может сообщить.

— Один бюджетник не прошел комиссию. Его отчисляют.

Сердце бешено заколотилось. Я хотел услышать эту заветную фразу все полтора года учёбы, но после каждой сессии получал отрицательный ответ и скатывался в пропасть безнадёги, что мне придётся еще четыре года сидеть на папиных подачках.

— У вас отличные шансы после летней сессии перевестись на бюджет. Важно закрыть все предметы на высокий балл — особенно конкурсную программу, она будет учитываться в первую очередь.

— Мне нужно уже сейчас заявление готовить? — протараторил я, пытаюсь заново поймать нормальное дыхание.

— Нет, еще рано, просто я хотела заранее предупредить, чтобы вы внимательно отнеслись к следующей сессии и приложили максимум усилий.

— Спасибо огромное! — еле сдерживаясь, чтобы не обнять эту святую женщину, воскликнул я. — В целом, курс очень интересный и преподаватель адекватный, так что всё выглядит возможным.

— Да, Никита Валерьевич справедлив, но крайне не любит пропуски, а еще считает, что каждый участник команды отвечает за другого. Было несколько печальных случаев, к сожалению, когда студентов нашей программы отправили на пересдачу из-за других участников... Так что тщательно выбирайте, с кем будете делать финальный проект.

Пусть кто-то попробует встать передо мной и моей свободой — вытащу их из-под земли, засуну в задницу градусник, понесу за шкурку на пару! Я не выдержу еще два года пресмыкания, и если у меня вырвут билет в спокойную жизнь за миг до того, как я положу его в карман, то я за себя не ручаюсь.

Оглушенный новостью, я вернулся в свой угол и попытался сосредоточиться, но тысяча разных мысленных пластинок закрутились в моей черепной коробке, не давая шанса успокоиться. Я принялся прокручивать разные сценарии и исходы, высчитывать вероятность достичь желанной цели, и, к своему сожалению, уже начал надеяться.

Хотя жизнь мне уже тысячи раз намекала перестать.

На последний заказ я мчался с необъяснимым ощущением легкости в груди. Ночь опустилась на питерские крыши, холодный свет фонарей сливался с тёплым лунным. Наушники разрядились, поэтому в ушах звенел город: хлопанье слякоти, гул машин, жужжание электрических проводов и мое дыхание. Я жадно глотал морозный воздух, но легкие просили больше и больше.

После новости, которую мне подарили в библиотеке, меня распирало от счастья. Жизнь будто встала на новые рельсы, получила маршрут и точку назначения, а мне осталось только смазать графитом гребни колес и запрыгнуть в локомотив за пульт управления.

Нужно собраться, выдать максимум, занять бюджетное место и... дальше будет проще. Можно будет начать жить и наконец-то насладиться жизнью в Питере, который я почти не видел из-за ежедневной борьбы за выживание.

Я летел по дороге и улыбался, а прохожие улыбались мне в ответ, наверняка думая, что я получил жирные чаевые за доставку от какой-нибудь щедрой женщины. Но нет, на моей карте остался последний столик, который я потрачу на консервированного тунца на ужин. Даже это не гадило настроение, потому что я чувствовал, что хотя бы в одной серой зоне моего будущего начал рассеиваться туман.

Вибрация в кармане вернула меня в настоящее. Ринат.

Татарин: я в Питере, приезжай ко мне в отель, это срочно

Я несколько раз перечитал сообщение, обрабатывая информацию. На часах было почти одиннадцать, и Ринат никогда не прилетал ко мне без недельной бомбежки нашего с ним чата идеями, куда мы пойдем и что поедем. Приезжать без предупреждения было не в его стиле.

Я: что случилось?

Татарин: мне очень плохо

Татарин: не в силах уже переживать в одиночку, на стену лезу

Я тут же попытался дозвониться до друга, но он скидывал трубку. Один раз, второй, третий...

Татарин: не могу сейчас говорить

Татарин: вот локация, скажи на ресепшене, что ты в 403 номер

Татарин: и возьми горячительное, я потом кину тебе на карту

Его отель оказался на другом берегу Невы, поэтому я за десять минут доехал до последнего адреса на работе, быстро отдал заказ и помчался в метро, пока не уехал последний вагон.

Занял у соседа деньги, чтобы купить в ближайшем «Красном и Белом» провизию, и рванул в пятизвездочный отель прямо у Исаакиевского собора. Охранник окинул меня презрительным взглядом, не понимая, что человек в форме курьера забыл в холле с коллекционными вазами, картинами современных художников и серыми бархатными диванами, на которые я бы ни за что не сел в своей уже несвежей рабочей одежде.

На ресепшене что-то бурно обсуждали две девушки, одетые в чёрные платья. За их спинами висел парад часов, показывающих время в разных уголках мира. Я подошел и постучал пальцами по стойке, пытаясь привлечь внимание хостес.

— Стойка для доставки у выхода, молодой человек, — даже не посмотрев в мою сторону, одна из девушек продолжила дискуссию. Будто перед ней не человек, а большой пластиковый пакет с продуктами, который нужно разобрать, когда время появится. Удивительно, как на людей влияет то, во что ты одет: уверен, если бы на мне был костюм из папиной коллекции, она бы уже целовала мне руки.

— У меня друг приехал, мне к нему нужно попасть.

— Номер комнаты? — наконец-то взглянув на меня, хостес потянулась к клавиатуре.

— 403. Фамилия гостя Замалиев.

Звук печатания слился с тиканьем часов. Я продолжал выбивать чечетку пальцами и строить теории, в какую передрыгу попал мой друг и какие планы мне надо будет отменять, чтобы его оттуда вытащить.

— Ваш паспорт, пожалуйста.

Сука. Я так несся сюда, что и забыл о правилах регистрации в отелях. Уехать обратно за документами я не могу, так что принялся судорожно думать, что делать. Каждая минута была на счету, потому что Ринат в пограничном состоянии мог оказаться либо под мостом, либо в другой стране без обратного билета.

Думай, думай, думай.

— Я отдал паспорт на переоформление. Фото прав не подойдет? — На лице не дрогнула ни одна мышца — что-то, а врать я умел безупречно.

Администратор укоризненно посмотрела на меня, видимо, мысленно взвешивая, готова ли она брать на себя ответственность за нарушение протокола заселения. В ответ я улыбнулся, выкладывая на стол самую сильную карту колоды — свое природное обаяние.

Ну же, впусти, сдайся. Внешне только мои пальцы выдавали нетерпение, а внутри я уже бежал по лестнице на четвертый этаж, срывая дыхалку, стучался в номер и видел лицо человека, который плечом к плечу прошел со мной все круги ада, которые предлагала жизнь.

Девушка молча протянула телефон обратно и кивнула в сторону лифта. Я же, игнорируя все приличия, помчал на четвертый пешком, не в силах ждать, пока медленный лифт соизволит спуститься и поднять меня на нужный этаж.

Номер 403 располагался почти в самом конце коридора. Попытался открыть дверь, но она не поддавалась — закрыто. Уверенно постучался — никто не ответил. Тревога подкрадывалась, но пока не сковывала руки — начал тарабанить по двери, крича имя друга. Ну же, открой.

Минута. Две. Три. Никаких признаков жизни.

Делаю дозвон, второй, третий. Ничего. Уже двинулся обратно на ресепшен просить дополнительный ключ, как услышал по ту сторону двери шорох шагов. Точнее, не шорох, а топот — так я и понял, что друг уже не в себе.

Дверь открылась нараспашку, и на меня рухнуло огромное тело друга. Защищая его от падения, я словил Рината за плечо и повернул лицом к себе. Его зелёные глаза, в которых обычно играли солнечные зайчики, сейчас заливала свинцовая боль. Распухшие от слез веки, красные пятна на всем лице и влажный шмыгающий нос — таким я видел приятеля впервые.

— Ринат, что случилось?

— Ты принес? — игнорируя мой вопрос, он потянулся к пакету. Я спрятал его за спиной.

— Нет, мне не продали, паспорт забыл, — соврал я. — Что случилось?

— Конец моей жизни случился, Мишлен. Вот что, — взяв мою ладонь, он поднес её к своему сердцу. — Я не смогу жить без неё. Лучше бы я умер, чем так.

Он вывернулся из моих рук и начал ломиться в соседние двери. Я побежал за ним и навалился сзади, хотя Ринат был по габаритам крупнее меня. Мы оба упали на пол, и я еле сохранял контроль, пока друг пытался вырваться из моей хватки, скуля как побитая собака.

— Ринат, — уже кричал я, — посмотри на меня! — я зажал между обеими руками его голову, а потом отвесил несколько пощечин, чтобы он пришел в себя.

— Я не буду жить, Миш, я не буду без неё...

— Что случилось? — мое сердце будто мчалось по магистрали, пульс тарабанил в висках.

— Мне так больно, Миш... Как убрать эту боль? Вырви мое сердце, убери куда-нибудь, — стонал он, держась за мои руки.

— Дружище, я тут, я рядом, услышь меня, — я сжал его голову в руках, чтобы сконцентрировать его внимание на физическом дискомфорте и дать хотя бы на минуту забыть причину невыносимого душевного кровотечения.

— Алёна... — продолжал он, — я не смогу без неё...

Я поднял Рината за руки, закинул себе на плечи и потащил обратно в номер. В душевой умыл его ледяной водой, снял с него мокрую одежду, вытер полотенцем тело и повел к кровати — а он не переставал всхлипывать на всю комнату.

С огромным трудом мне всё-таки удалось уложить его в постель. Переодевшись в халат из отельского набора, я присел рядом, поднося к его рту стакан воды. Ринат, продолжая лить слезы и жевать свои сопли, сделал несколько глотков и резко дернул мою руку от себя, из-за чего весь стакан пролился на меня.

— Дружище, тебе надо выспаться, — шёпотом проговорил я, укрывая его одеялом.

— Я хочу уснуть навсегда, Миш, — сквозь плач признался друг, прострелив этой фразой мне грудь.

— Такого варианта у тебя нет, потому что я не собираюсь жить без тебя, — произнес я и потянулся к выключателю прикроватной лампы. — Утром станет легче, Ринат, спи.

Комнату заполнила темнота. Ринат, прижавшись лбом к моей груди, плакал и плакал без остановки, не прерываясь даже на то, чтобы вдохнуть. Я так хотел помочь ему сейчас, забрать хотя бы каплю его боли себе, но все, что мог ему предложить, — дружеское плечо, о которое он вытирал свои слезы.

Только к трём часам ночи его всхлипывания сменились неровным посапыванием. Поправив одеяло, я смочил вспотевший лоб друга и лег рядом.

Я с тобой. Я никуда не уйду.

Глава 9. Страшные цифры

Второй день на смене начался с громкого хохота Алёны и полетевшей в меня подушки.

— Встаем! — пропела она, поднимая на уши всю комнату. — Встаем, встаем, встааа-ааа-еееее-м, кто спит — того убьем!.. — Она пританцовывала на своей кровати и раскидывала во все стороны первые попавшиеся под руку вещи.

Солнце прижалось к окнам, уже не намекая, а говоря лучами прямо, что пора оторваться от подушек. Эл и Мила ушли умываться, а Алёна с рвением пыталась отскоблить от кровати Альбишку, ушедшую в привычную для неё спячку.

— Засоня, вставай, — она стянула одеяло, чтобы прохлада помогла пробудить нашу спящую красавицу.

Альбишка, даже не открывая глаза, привстала, вслепую нащупала руки Алёны и, мыча что-то неразборчивое себе под нос, потянула обратно на себя тёплую крышу, под которой сладко спала еще минуту назад.

Мы засмеялись во все легкие. Альбина и сон — это тема шуток номер один на всех наших сменах. Если оставить её хоть на минутку одну в комнате, то в следующий раз увидишь её уже сладко причмокивающей в подушку. У организма подруги будто были свои биологические часы, стрелка которых всегда показывала, что сейчас самое время поспать.

— Альбина, — кричала нашей кудрявой в ухо Алёна, — вставай, всю жизнь проспидишь!

— Отвали, заяц с батареей в попе, — бормотала та ей в ответ, — или я на тебя порчу наведу, чтобы ты исчезла с лица земли!

Вполуха слушая этот цирк, я достала из-под кровати чемодан, который не успела вчера разобрать, и принялась искать на сегодня подходящую одежду, чтобы не зажариться под палящим солнцем. В руки попались шорты, которые я положила с собой в надежде, что отек сойдет и они перестанут сжимать мои бёдра и бока.

Хм, вчера ничего не ела — должны налезть.

Подпрыгивая, я начала натягивать шорты, которые прилипли к ляжкам и талии, как вторая кожа, и не оставляли места для вдоха. Всего лишь за год мои ноги превратились в докторские колбасы, обтянутые сеткой — иначе как объяснить, что те же самые шорты в прошлом году свободно висели на мне, а сегодня натягивались с мучениями?

Победив пуговицу, я все же застегнула шорты и пошла к умывальнику. Внешне «Ильхам» не отличался шиком: новые корпуса построили на советской базе, поэтому мы до сих пор ходили в уличные туалеты с дырками в полу в ряд, а руки мыли у металлических тумб, пропуская вперед ржавчину, чтобы та дала дорогу чистой воде.

У умывальников ребята из отряда в полудреме чистили зубы. Я присоединилась к Эл, которая уже закончила умываться и теперь наносила на кожу пятиступенчатый уход по корейской системе. Напротив неё устроилась Мила, одетая в пижамную шелковую майку и короткие шорты, которые открывали её длинные стройные ноги. Кому-то генетика отдала просто так то, к чему я месяцами бежала с закрытым ртом — и так и не приблизилась, не дотянулась даже...

— Доброе утро, дети! — потягивая свои длинные руки, подошел напарник Ралины. — Как настроение у всех?

Камилю начали отвечать, но всё внимание вожатого было сосредоточено на Миле. Не отрывая от неё глаз, он засучил рукава рубашки, собрал волосы в хвост, вытащил из кармана свою чёрную щетку и начал усердно, яростно даже, чистить зубы. В это время моя рыжая подруга бросала на него случайные взгляды... и щеки её покрывались просто инопланетным для неё румянцем. Мила никогда не смущалась ни перед кем, и уж тем более перед парнем! Её называли Снежной королевой, потому что её сердце — Эверест, к которому не пробрался еще ни один парень — зато у подножья уже валялось несколько заледеневших трупов тех, кто пытался.

— Ты испачкалась, — не доставая щетки изо рта, сказал ей Камиль.

Мила не поднимала глаза, продолжая растирать лицо гелем для умывания.

— Мила, — повторил он, недовольный тем, что она не обращает на него внимания, — вот тут.

Я посмотрела на подругу и увидела в районе её груди несколько капель геля, которые невозможно было заметить, если не смотреть с прицелом именно на этот участок тела. Мила глянула вниз, со стыдом прикрыла декольте, намочила полотенце и начала стирать мелкие пятна. Из-за влаги шелковая ткань прилипла к груди, лишь сильнее подчеркивая её формы.

— На, держи, — я протянула полотенце побольше, чтобы спасти подругу из неловкой ситуации.

Мила молча взяла полотенце и укрылась им, словно тулупом — щеки её оттенком сравнялись с волосами.

— А красиво было, зачем прячешься, — заметил Камиль, продолжая есть её глазами.

Мила бросила в его сторону нервную улыбку, собрала умывальные принадлежности в косметичку и быстрым шагом направилась к корпусу — а вожатый отряда провожал её медленным взглядом, скольльзящим по её голым ногам снизу вверх.

Мы с Эл обменялись неловкими взглядами и продолжили молча умываться. Я провалилась в свои мысли, пока руки машинально чистили щеткой зубы и намывали до блеска лицо, а солнечные лучи начали пробираться сквозь сосны и светить прямо в глаза.

Я почти закончила, когда к умывальнику подбежали Алёна с Ринафом, игриво шлепая друг друга полотенцами и смеясь на всю аллею. Рядом с ними, просыпаясь на ходу, брел полурасдетый Нестеров. На нем были спортивные зелёные шорты и... больше ничего. На груди у сердца у него оказалась набита татуировка — спираль Фибоначчи, собиравшаяся в дугу, похожую на раковину. Тело его за год обрело явный рельеф, на руках, словно провода, протянулись вены.

— Доброе утро, — поймав мой взгляд, Миша расположился у умывальника прямо напротив меня, — не одолжишь?

Он кивнул в сторону правой руки, в которой я сжимала пасту. Я замешкалась на секунду, но потом пришла в себя и, смотря чуть в сторону, протянула ему пасту. Даже не стала спрашивать, почему он вышел без своей — до того неуютно себя чувствовала, пока глаза были на уровне его голой груди.

— Поможешь? — оставляя пасту в моей руке, он вынул щетку и подвел ко мне.

Боже, снова ты играешь со мной в эти игры, и я не понимаю, в какую секунду ждать подвоха и предательского удара в поддых...

Открутила крышку, поднесла к его щетке и выдавила каплю.

— Не жадничай. — Миша смотрел на меня в упор, растягивая по лицу ленивую улыбку. Я впервые заметила ямочку у него на подбородке, которая добавляла его лицу несколько лет, и несколько килограмм прожитого опыта. Я нахмурила брови, отправляя безмолвное послание, что еще секунда — и эта паста полетит ему прямо в лоб, раскрашивая волосы. Выдавила еще каплю, не отводя глаза, принимая вызов и не делая шага ни назад, ни в сторону.

Нестеров посмотрел на эти жалкие капли, потом сжал в кулак мою руку и выдавил на щетку смачный кусок пасты, просверливая на моем лице две дыры своим пристальным взглядом. В этот момент я перехватила его руку с щеткой и, словно кистью, начала рисовать на его щеках усы. Нестеров успел увернуться, и линия перешла на грудь, раскрашивая его татуировку в цвет зубной пасты.

— Ань, ты могла просто спросить, можно ли потрогать, — осматривая место моего преступления, заявил он. — Ну, раз ты без разрешения...

Миша собрал указательным пальцем часть пасты и щедро мазнул мне по ключицам, выстукивая белые точки по косточкам. Сообразив, что теряю преимущество в бою, я резко вырвалась из его хватки, перебежала на другую сторону, густо выдавила еще пасты и с чувством истинного наслаждения смачно провела щеткой по его спине там, куда он сам не дотянется руками.

— Надеюсь, этого хватит, Нестеров, — натягивая улыбку во все тридцать два зуба, сладко проговорила я. — И да, с тебя новая упаковка пасты, раз эта так сильно понравилась.

Сказав это, я развернулась к корпусу и пошла продолжать готовиться ко дню, пока мое сердце вело себя так, будто только что сделало первый шаг на Землю после полугодовой экспедиции на МКС и повалилось на пол с непривычки.

В комнате Мила, одетая в чёрное облегающее платье на бретельках, читала книгу.

— Тебе очень идет, — честно призналась я.

— Спасибо, — Мила слабо улыбнулась и снова уткнулась в книжку.

— Камиль на тебя так странно смотрел, — вспомнила я. — Он нормальный вообще? Что-то мне он в этом году не нравится.

— Прекрати, — резко оборвала мой поток нотаций Мила, поднимая нос с книги, — ты придумываешь. Он не смотрит на меня больше, чем на других девушек из отряда.

— Ну я не заметила, чтобы он жрал глазами Эл, хотя она тоже в его отряде. Ты, похоже, ему нравишься.

— Ань, не лезь, — отрезала она, — это тебя не касается, хорошо?

— Да я не лезу, Мил, когти спрячь, — начала защищаться я, отворачиваясь от её строгого взгляда.

— Прости, — она привстала и подошла ко мне, — это прозвучало грубее, чем я хотела. Просто тебе показалось, мы с ним общаемся как друзья.

— Вы за один день успели подружиться?

— Мы до этого общались.

Я решила не расспрашивать Милу дальше, потому что знала, что напорюсь на колючую проволоку её личных границ. Вместо этого лишь кивнула, и сделала вид, что у меня нашлись дела в коридоре. Мила осталась в комнате, наверняка понимая, что её резкий выпад прогнал меня из комнаты, а дела — лишь предлог, чтобы не разжигать Третью мировую всего на второй день в лагере.

Я села в беседке у корпуса, засунула в уши наушники и утонула в своем летнем плейлисте, вплетая в слова первой песни солнечное утро, шелест деревьев и легкие прикосновения ветра. Я делала так каждое утро на смене, чтобы потом, тёмным зимним вечером, когда кажется, что свет и тепло уже никогда не вернутся и чернота сожрёт твою жизнь, не оставив ни крошки,

взяться за знакомые ноты и перенестись в беззаботные летние деньки — деньки, в которых я была счастлива и свободна...

Вместе с музыкой тело охватило приятное, терпкое чувство свободы и полного доверия — себе, этому дню и этому лету. В сердце затеплилось приятное предвкушение.

— Девятый отряд, — громкий голос Гузы пробрался через наушники и вернул из мечтательной дремы, — все в медпункт на взвешивание!

Приятное предвкушение мигом испарилось, а на его месте поселилась тревога.

— Так, ребята, не шумим и спокойно ждем своей очереди, — Тимур сидел за столом и вписывал в таблицу данные, которые выкрикивала лагерная медсестра.

Как только я услышала, что нас поведут взвешиваться, то переоделась в легкое платье, сходила в туалет и сняла все украшения. Вчера я почти ничего не ела, чтобы пережить традиционную процедуру без перевеса. Перед сменой я пыталась согнать лишние килограммы, которые застряли на моем теле за экзаменационный год, но они не послушались и не ушли — даже привычная скакалка и отказ от сладкого не помогли. Мама говорила, что мое тело меняется и становится более женственным, но трудно поверить человеку, которого фотографируют для рекламы спортзалов с самым легким макияжем.

Я стояла в хвосте очереди и ждала, пока весь отряд вместе с моими подругами взвесится и я останусь одна. Никто, кроме меня, похоже, не придавал никакого значения сегодняшнему мероприятию — все спокойно обсуждали свои цифры на весах.

— У меня пятьдесят семь, — с улыбкой заявила Альбина, — но сейчас схожу покакаю — и будет пятьдесят.

— По-твоему, в тебе завалилось семь килограммов дерьма, Бишкек? — Алёна присоединилась к нам, заправляя рубашку в бежевую плиссированную юбку.

— Ну, ты с утра своим утренним пением прибавила пару килограмм, конечно...

— И так будет каждое утро, дорогая! — Алёна весело щелкнула Альбишку по носу и распустила её пшеничные кудрявые волосы, а потом переключила свое внимание на меня: — Ты уже взвесилась, Ань?

— Еще нет. Но вы не ждите, мне еще у доктора нужно будет по лекарствам уточнить...

Поверив в мою сладкую ложь, подружки отправились обратно в корпус, пока я проминала стопы и ждала, когда очередь рассосется.

К медпункту подошла вожатая пятого отряда, прижимая к груди огромную кипу бумаг. Она выглядела взволнованно.

— Тимур, — запыхавшись, позвала она нашего вожатого, который в это время заполнял бумаги, — начальник базы срочно на собрание всех зовёт!

— Но мне осталось буквально несколько человек взвесить...

— Это не ждет.

Тимур посмотрел на оставшихся в очереди нескольких человек — и внезапно обратился к Мише, который буквально только что положил обратно динамометр, которым измерял силу охвата его правой кисти:

— Миш, выручай! Заполни данные остальных ребят и положи потом в папку девятого отряда по фамилиям.

Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт. Только этого не хватало.

Когда уже некого было пропускать вперед, я начала снимать обувь и подошла к ростоммеру.

— Сто шестьдесят пять, — монотонно протянула медсестра, уже торопящаяся снова заняться более приятными делами, — теперь на весы встаём.

Я не могу попросить его выйти, это будет позор. Но и выдержать стыд за цифры, которые я была не готова услышать, я тоже не могла, поэтому...

— Нестеров, могу я тебя попросить, — сделав несколько глотков воздуха, произнесла я, — выйти из комнаты?

— Зачем? — он смахнул дикую прядь со лба и вопросительно взглянул на меня.

Щеки горели от стыда. Я ощущала себя как голый король, который вышел на сцену в одной золотой короне, а зрители перестали притворяться и громко засмеялись при виде этого жалкого зрелища.

Нестеров продолжал смотреть на меня, ожидая вразумительного ответа, которого у меня не было.

— Пожалуйста, — тихо проговорила я, замечая, как медсестра начинает кипититься, — я сама запишу...

К моему удивлению, он молча встал, отодвинул стул и вышел из враз ставшей тесной комнаты медпункта, оставляя меня наедине с медсестрой, ручкой и листочком с данными.

Я встала на весы — и впервые в жизни увидела, что мой вес перевалил за шестьдесят килограммов. Два года я держалась на отметке пятьдесят восемь с погрешностью в килограмм и обратно. Утро, залитое солнцем, испортилось моментально. Дьявол пришел на взвешивание с шестёркой и посмеялся над моим хорошим настроением.

Быстро собрав все медкарты и распределив их по папкам, я вышла из медпункта. У входа, прислонившись к сосне и крутя в руке шишку, ждал Нестеров. Я прикрыла лицо рукой, чтобы не попасться ему на глаза, и быстрым шагом направилась в сторону корпуса. После моей стыдной просьбы мне не хотелось оставаться с ним один на один, потому что я знала — Нестеров не упустит шанса потыкать в мое слабое место.

— Подожди, — крикнул он, бросая шишку в сторону и подбегая ко мне.

Чёрт, ну зачем?

Я ускорила шаг, но Миша успел оказаться на одном со мной уровне скорости и даже на шаг обогнал, чтобы идти задом и смотреть мне прямо в глаза.

— Я всё разложила по папкам, — делая шаг в сторону, отрезала я.

— Я и не сомневался, — зеркаля мои движения, не отставал Миша. — Куда спешишь?

— В корпус, скоро завтрак. — Я продолжала идти, хотя он и загораживал путь.

— Ты его съешь? — спросил он.

Он задал вопрос — а ощущение, будто дал мне пощечину. Вот и вернулся прежний Нестеров с его токсичными выпадами: стоило только показать ему свою ахиллесову пяту, как он тут же мечет в нее стрелу.

Я собрала все силы, чтобы не накинуться на него с кулаками, и сухо ответила:

— Тебе какая разница?

— Я заметил вчера, что ты не ела ни обед, ни ужин. Тебе не подходит лагерная еда, аллергия?

— Нестеров, я тебя не нанимала следить за своими тарелками, — выпалила я.

— Нет, но я могу переживать бесплатно. Если тебе не подходит столовая еда, то ты можешь попросить их убрать продукты, которые тебе нельзя. Я видел, как аллергикам отдельно накладывают.

«Ага, будут они специально для меня варить куриную грудку с гречкой без масла и соли», — подумала я, но вслух, конечно, этого не сказала.

— У меня живот болел вчера, — соврала я в надежде, что он не заметит ложь за пластмассовым фасадом, — поэтому и не ела. У тебя такого не бывает?

Он почесал переносицу, поправил спустившиеся очки и на несколько секунд завис взглядом на уровне моих глаз, как будто бы намекая, что ни на секунду не поверил в мои придуманные болезни. После затянувшейся паузы он перевел внимание чуть вниз и в сторону и быстрым движением смахнул что-то с моего голого плеча.

— Остатки пасты, — как ни в чем не бывало сказал он и встал рядом, набирая со мной один темп. — Ты пойдешь завтра на тренировку по «Ч. Г. К.»?

— Конечно пойду, — ответила я, — я хочу в этом году стать капитаном.

— Я тоже, Ань. Игорь Васильевич в честном соревновании решит, кто им станет в этом году.

Я поперхнулась слюной от злости. Честное соревнование? В каком месте? Игорь Васильевич, приглашенный тренер для нашей команды по «Ч. Г. К.» — обиженный на жизнь мужчина, которому явно ещё в школе одноклассница растоптала сердце и теперь он отыгрывается на всём женском поле, чтобы мы за неё мучались. Он не скрывал, что пренебрегает мной, а Мишу держит в фаворитах, но даже в условиях такой неравной борьбы мне удавалось иногда вырывать лидерство.

— Нестеров, если ты считаешь судейство Игоря честным, то ты даже глупее, чем я о тебе думала. Он отдаст тебе капитанство, потому что у тебя пипка между ногами — уж простите, что природа меня этим не наградила.

Я ускорила шаг, но даже так он обгонял меня.

— Ань, — улыбаясь, сказал Миша, — а вот я всё-таки рад, что у тебя нет пипки. Тебя природа наградила многим другим.

Мои щеки согрелись так, будто банщик подлил на камни кипятка, распространяя пар по всей территории лагеря. Я скрестила руки на груди, чтобы спрятаться от его внимания, но выражение лица надела самое строгое.

— Например, умом, — я поднесла пальцы к виску, делая ударение на последнем слове, — благодаря которому я заберу капитанство, чтобы вы больше не смеялись за моей спиной со справедливым, — я показала кавычки в воздухе, — тренером.

— Ты о чём? — Он поймал меня за локоть, пока я пыталась ускользнуть к корпусу.

— Как будто ты сам не знаешь, о чем я, — начала вырывать у него руку, но он усилил хватку.

— Ты о чём? — повторил он и посмотрел на меня так, будто я пересказала ему миф Древней Греции и выдала это за реальную историю, которая случилась с ним в прошлый вторник.

— Я все слышала на прошлой смене, — я резко вырвала руку, смахнула с кожи отпечаток его прикосновения, — как он сравнивал мои и твои умственные способности, при этом смеясь над тем, что мы не можем подстраивать расписание игр под мой женский календарь.

Сморщилась при воспоминании, словно кусок лимона съела. Год назад я случайно подслушала их диалог, и мне стало так противно, что я выбежала из актового зала и пошла пинать фанеру. Мало того, что они смеялись над вещами, которые никак от меня не зависят, так еще и наложили на меня килограмм ответственности. Ответственности доказать, что мои лидерские качества никуда не исчезают в месячные.

— Ань, о чём ты? Я не смеялся, — говорил Миша мне вслед, — я ему замечание сделал.

— Подожди, — остановилась я, нарочито повернувшись и с прищуром посмотрела ему в глаза, — я лапшу с ушей снимаю, а то не так тебя услышала. Сделал замечание? Когда капитанство забирал?

— Капитанство отдавал не он, а вожатые еще до начала тренировок. Это во-первых. Во-вторых, я помню этот его выброс, и я точно над ним не смеялся — бумерские шутки меня не впечатляют.

Он снял с себя очки и протер линзы об футболку, занимая руки. Между нами воцарилось молчание. Я не знала, как переварить его признание. Проще было думать, что он высокомерный слизень, и держаться от него подальше, чем жить с мыслью, что мне перетасовали карты прошлого и подкинули девятку красной масти, которая меняет ход игры.

— Я не считаю, что ум зависит от женского календаря, — надевая очки обратно, проговорил Миша. — Ты одна из самых умных людей, которых я знаю, Ань. Я всегда так считал, ещё с нашей первой совместной тренировки.

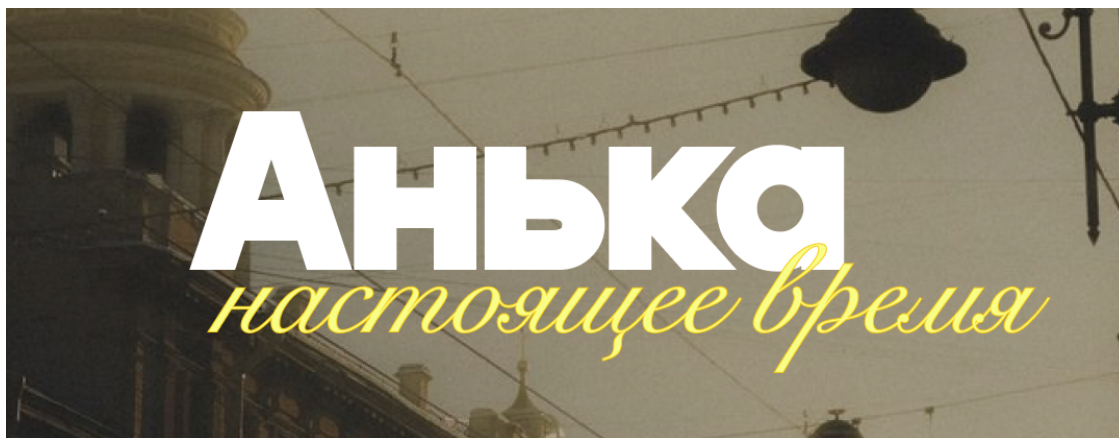
Я стояла на месте, но внутри все разбежалось в разные стороны. Не могла поверить, что мне это не мерещится: слова, которым он наверняка не придавал никакого значения, обвилились лианой вокруг сердца и несколько раз его сжали.

Прошла минута, и в его кармане зазвонил телефон. Нестеров отвлекся, а я рванула к корпусу, стараясь нормализовать сошедший с ума пульс.

Ты одна из самых умных людей, которых я знаю.

Вместо цифр на весах в голове бегущей строкой теперь мигала эта фраза.

Глава 10. Не подходи ко мне

Две недели.

Две недели я жила на автопилоте.

Встать. Закинуть в себя что-то. Поехать на пары. Посидеть с Лизой в кофейне. Приехать домой. Заказать доставку — обязательно с колой без сахара. Уснуть. Если повезёт, не видеть сны. Однако мне не везло: снилось лето, снились смены, снились девочки, снилась *она*.

Каждый раз я просыпалась в поту и не понимала, где заканчивается сон и начинается реальность, в которой уже нет главных героев моей ночи. После резких пробуждений я уже не могла уснуть и просто наливала себе чёрный кофе и сидела в тёмной комнате, таращась в пустоту.

Чтобы не думать, училась. Заранее начала писать курсовую работу, до ночи делала домашние задания, не пропускала ни одну пару. Делала всё, чтобы времени на лишние мысли не оставалось, потому что не могла позволить себе выпасть из режима и страдать.

Я даже уже не плакала. Мои глаза будто окаменели, а слезы застыли памятником с ее именем.

Метро было битком. Я урвала сидячее место и уткнулась в телефон, изучая тему, которую Никита Валерьевич задал изучить к сегодняшней паре. Курс по международному бизнесу стоил всех усилий, которые я приложила, чтобы на него попасть. Уже прошло три пары, и с каждой я уходила с огромным объемом информации и заданий, которые потом разгребала почти целую неделю. Курс давал мне легальный билет в цейтнот: сил хватало только на то, чтобы сдать эссе до дедлайна.

Прелесть курса портил лишь факт, что я делила его с Нестеровым, пусть и избегала его всеми силами. Я старалась свести наши пересечения к минимуму: игнорировала его в коридорах, приходила ровно к началу пары и ни минутой раньше, даже переманила Лизу сменить студенческую кофейню на ту, что была по соседству с корпусом.

Взаимодействовали мы только на парах. Никита Валерьевич не упускал повода столкнуть нас умами, разжечь костер дискуссии и спровоцировать спор. Мы будто были шахматными фигурами на его игровой доске: я за белых, Нестеров за чёрных, и так по очереди. У меня было девять минут в неделю, чтобы терпеть его общество, и я не выходила за пределы установленного лимита.

Пока я витала в своих мыслях, поезд резко остановился, объявили нужную мне станцию. Я вскочила с места, расталкивая прохожих, чтобы протиснуться в уже закрывающиеся двери. На станции проводились ремонтные работы, поэтому многоголосье пассажиров сопровождалось едким скрежетом перфоратора. Я достала из потертой красной сумки наушники, открыла

первый попавшийся плейлист в приложении для прослушивания музыки. Фон шумного метро затих, громкие голоса музыкантов проникли через перепонки в мозг, и я пальцами начала отстукивать ритм песни по поручням, жадно всматриваясь в лица людей, которые менялись со мной местами и спускались вниз к поездам.

Когда я проехала на эскалаторе почти половину пути, то почувствовала легкое пожатие плеча. Решив, что кто-то обозначился, я не стала менять положение тела и проигнорировала прохожего. Через несколько секунд правое ухо оглушил холод: наушник исчез, и музыка сменилась неприятным журчанием жерл эскалатора. Испугавшись, что наушник выпал и теперь покатится вниз по ступеням, я принялась судорожно искать его под ногами.

— Ого, «Алису» слушаешь, — раздался низкий голос. Знакомый низкий голос.

Я подняла голову и увидела, что рядом со мной стоит Нестеров. Выглядел он так, будто до встречи со мной бежал десять лестничных пролетов: влажные каштановые локоны торчали во все стороны из-под ярко-синей шапки, щеки приняли почти алый оттенок, а из-под распахнутой серой парки виднелась оранжевая рубашка.

— Ты из пещеры вылез, Нестеров? — прошипела я, поднимаясь с корточек. — С каких пор подкрадываться к посторонним людям и вырывать у них наушник считается нормальным?

— Я не вырвал, а одолжил, — спокойно заявил он, отворачиваясь от меня, чтобы не дать забрать наушник. — И я попросил у тебя разрешения до того, как это сделать, ты не слышала?

Сказал он это таким невинным тоном, как будто пятилетний ребёнок спрашивает у него, как дети выходят из животика у мамы. Ярость потекла по моей кровеносной системе, но как только я сообразила следующее действие, ступенька эскалатора исчезла из-под ног, и я почти плюхнулась носом на пол холла. В последнюю секунду перед падением Миша подхватил меня за талию и притянул к себе, возвращая опору.

Внутри забурлили противоречивые чувства. Близость его тела вызвала тяжесть в груди. Будто на сердце навесили веревку и прицепили к обоим концам кирпичи, а тебе надо балансировать, чтобы не завалиться вбок.

Только через несколько секунд я осознала, что мы буквально стоим посреди холла в обнимку. Я отпрянула от Нестерова, стряхнув с себя его прикосновение, и строго уставилась на него.

— Верни наушник сейчас же, — сказала я и протянула ладонь, — или я закричу и позову охрану.

В этот момент трек сменился, и в наших ушах заиграл «Я хочу быть с тобой» Наутилуса.

Миша смотрел на меня с вызовом. В медовых глазах блестели искры насмешки и соперничества — взгляд будто говорил: «Давай, сделай это, посмотри на тебя».

— Верни.

— Я хочу дослушать эту песню. Мы с тобой на смене как-то вместе ее слушали, помнишь?

Помню? Я хранила те рассветы в папке воспоминаний слишком ценных, чтобы их отправить в корзину. Я не просто «помню» — я могу пересказать наши разговоры поминутно, Миш. Но это уже неважно.

Я вынула телефон из кармана и демонстративно выключила трек, обрывая звук, который связывал нас через наушники.

— На своем телефоне дослушаешь. Нестеров, отдай, у меня нет времени на эти игры. Мы уже не в пятом классе, чтобы дергать друг друга за косички и отнимать вещи. У меня на подобное нет ни сил, ни желания.

Он медленно выдохнул, вытащил наушник и молча протянул мне его, не отводя взгляда с моего лица. Я быстро схватила его, избегая прямого тактильного контакта, закинула контейнер с наушниками в сумку и направилась к выходу, набирая неестественную для ходьбы скорость.

Снаружи меня встретил апрельский ветер. Весна уже пробивалась сквозь асфальт, и воздух стал на несколько градусов выше. Закинув сумку через плечо, чтобы не мешалась при быстром шаге, я взяла курс на университетский корпус.

Дорога, обычно занимавшая минут пятнадцать, проходила через парк. На голых ветках тополей уже появлялись почки, и некоторые из них начали превращаться из нежных зелёных точек в уверенные запятыя.

Весна всегда была моим любимым временем года. В тёмные зимние вечера я жила идеей, что придет март, поцелует своим солнцем землю, раскроет объятия и возродит то, что отмерло за время морозов. Заодно возродит и меня, подарит надежду, смахнет пыль с моей жизни и подтолкнет к новым решениям, новым событиям.

В этом году я так же, как всегда, ждала март. Март пришел. Только с собой принес не надежду, а безнадёгу.

Стоп. Туда не идем, Ань.

Потерев лоб, я отвлеклась от деревьев и ускорила шаг, практически начав бежать. При этом я не оборачивалась, чтобы не увидеть, что один навязчивый одноклассник следует за мной. Однако его присутствие где-то рядом ощущалось как дыхание в затылок. Почему жизнь сталкивает тебя с теми, кто делает только больно, и отнимает тех, кто добавлял красок и света?

К звуку моих шагов прибавились чьи-то еще, более глухие. Посмотрев под ноги, я увидела рядом со своими коричневыми сапогами серые конверсы, явно не подходившие погоде.

— Ты сделала эссе, которое задавали? — шагающий со мной в ногу Миша явно не понимал, что я не хочу с ним разговаривать.

Решила сменить тактику и сделать вид, что его не существует. Подняв нос выше, я продолжила идти и игнорировать его присутствие.

— Мне эссе ты помогла написать, — всё никак не унимался он. — Я вспомнил, как ты в 2016 году на «Ч. Г. К.» взяла вопрос про войну во Вьетнаме, поэтому выбрал такую тему.

Помню, вопрос про туннели. Когда объявили, что мы сдали верный ответ, я прыгала от счастья и танцевала победный танец, а команда смеялась над непохожим для меня проявлением радости.

В груди потеплело, но я быстро опомнилась и поддала морозу, держа темп и глядя куда угодно, только не в его сторону.

— Мне нравится эта красная сумка, она у тебя еще со школьных времён, так ведь?

Не выдержав, я резко остановилась и уставилась на него самым злым взглядом, который только был в моей коллекции.

— Сколько раз мне нужно тебе намекнуть, сказать, прокричать, прорычать... я не знаю... — пульс участился, злорада подступила к горлу. — Я не хочу общаться, не хочу разговаривать, не хочу находиться в одном вузе, в одной группе, в одной комнате. В отличие от тебя, у меня не отшибло память, и я прекрасно помню, на какой ноте закончилось наше общение — и не хочу повторять ошибки прошлого.

Чёрт, эти слова я хотела оставить при себе. У меня не было настроения вспоминать наш конфликт и уж тем более показывать, что воспоминания о совместно проведенном времени до сих пор летают призраками по моей голове, шепча отголоски сказанных тогда злых слов.

В ответ он лишь продолжал на меня смотреть. Лицо его не выражало ничего, кроме непонимания: брови сошлись на переносице, как мосты над Невой.

Я решила сдать назад и выдохнула:

— Но это уже сейчас неважно. Я не обижаюсь и не злюсь, просто нас уже ничего не связывает, кроме общего курса на три месяца. Давай оставим всё как есть? Так просто будет проще. Да и у меня нет сил сейчас на старых-новых приятелей.

Я попыталась улыбнуться, но уголки губ лишь вяло приподнялись. Даже на улыбку во мне не набралось сил — но я не хотела впускать Нестерова в тёмную комнату своих мыслей.

В ответ он молча кивнул, потер переносицу и двинулся к корпусу, оставляя меня наедине с этим решением.

Должно было наступить облегчение, но навалилась лишь пустота. Неприятная, глухая, тяжелая. Я смотрела вслед Мише и пыталась угадать, сколько еще раз нас с ним столкнет судьба — и сколько еще раз мне будет больно отвечать ей «нет».

Глава 11. Счастливые случайности

День суда — с таким ощущением я проснулся сегодня и собрался на пары, от которых зависел мой перевод на бюджет.

Судьбоносная новость, что мне сообщила администратор учебной программы, затерялась в долгих сутках, которые я закончил в дорогом номере с Ринатом на моих коленях. В ту ночь мне было страшно, потому что я будто держал его за шкурку над пропастью и был в секунде от того, чтобы мои ноги соскользнули.

Друг проревел всю ночь и, только когда слез не осталось, лег спать и прижался к моему плечу лбом, цепляясь за меня, как за якорь. Я не знал, как поддержать его в сложившейся ситуации, да и он не дал мне внятного объяснения, что случилось. Следующим утром мне пришлось отменить все дела и взять больничный в универе. Ринат продрал глаза только к трём часам дня и почти не проронил ни слова. Извинился за свой ночной срыв и попросил закрыть тему.

Разъяснений я не получил, но решил оставить мяч на его стороне. Я знал Рината как облупленного и понимал, что друг как пружина: на давление ответит сопротивлением. Мы провели день в непривычной для нас тишине. Хотя я предложил ему все, что смог, — мое время и мое присутствие, к вечеру того же дня Ринат уехал и не обещал вернуться — хотя в каждый свой визит по дороге в аэропорт уже бронировал билеты на следующие даты. Но не в этот раз.

Группа была на дыбах: сегодня нас распределяли по рабочим тройкам. От этого зависело, какую финальную оценку все получают на сессии — слух, что Никита Валерьевич валит всю команду за одного нерадивого участника, навис над нами, как грозное облако.

Сняв очки, чтобы протереть о рубашку линзы, я осмотрел аудиторию. Каждый успокаивал нервы по-разному: одни перешептывались и тихо смеялись, другие выстукивали ритм ручкой. Взгляд споткнулся о девушку, возвращения которой в свою жизнь я не загадывал, но, оказывается, очень ждал.

Аня сидела через ряд от меня и увлеченно слушала лучшую подругу, обнимая себя обеими руками. Её русые волосы висели почти до поясницы в растрепанной косичке.

Когда на почту пришло решение о зачислении на спецкурс, я тут же запросил списки, чтобы узнать, кого ещё взяли. Из-за загруженного графика и двух работ я не посещал университетские мероприятия и не знал никого, кроме своих одноклассников. Даже от «Ч. Г. К.» пришлось отказаться, потому что встречи клуба проходили в самые жирные репетиторские часы.

Помню, как прошелся по фамилиям и среди незнакомых сочетаний букв нашёл то, что всплывало в моей памяти как вирусное окно минимум раз в неделю. Анна Жданова.

Я не знал, что она учится со мной в одном университете, потому что страницы во всех соцсетях у неё были закрыты. Пытался выпытать у Рината подробности, но тот мне сказал, что будет держать язык за зубами. Резонно, заслужил.

Месяц назад перед первой парой курса я наматывал круги у корпуса. Боялся снова с ней встретиться и не выдержать стыда, который носил с собой как багаж. С подскочившим пульсом подошел к аудитории, зачерпнул в легкие воздух, сделал первый шаг. Класс был наполнен людьми, но среди почти двух десятков лиц не было ни одного с чёрными глазами, веснушками на щеках и шрамом над левой бровью.

Я сел за свободную парту и стал ждать, когда она придет. Прошло десять минут, а она все не появлялась. Я смотрел на преподавателя, но датчики чувств были нацелены на дверь. Забежит, не забежит?

Так и ждал, пока Никита Валерьевич не спросил про отсутствующих и темноволосая девушка не сказала, что Ани Ждановой не будет по семейным обстоятельствам. Значит, мне дали время, чтобы подготовиться к нашей встрече.

На следующую пару я снова пришел впритык, чтобы встретить её в аудитории. Встретил. Все те же длинные волосы, те же оверсайз толстовки, под которыми она прячет женственные изгибы. Я сразу заметил её и попробовал улыбнуться, но в ответ увидел буквально закрывающиеся ставни. Она отвернулась, сделав вид, что не узнала. Всю пару я не отводил глаз, но она ни разу не посмотрела в мою сторону.

Повторюсь, заслужил.

Сегодня я получил свое финальное «нет» и решил больше не испытывать твердость её выбора. Тем более, что оценка за этот курс ставила на кон мою свободу, а я слишком долго сидел на папиных подачках. Добавить восстановление дружбы с Аней в это и так трехэтажное уравнение не входило в мои планы. Думал об этом, пока руки путешествовали по парте, ища себе место. Я достал из сумки кубик Рубика, чтобы отвлечься, и начал собирать его по методу Фридриха, уставившись в одну точку.

Никита Валерьевич тем временем сосредоточенно смотрел в монитор и быстро что-то печатал. Я уже все просчитал: если нас будут делить на команды по списку как в прошлом году, то я окажусь в паре с Мельниковой с эконома или с Петровым с востоковедения. Я прошерстил страницы их образовательных программ и скачал учебные рейтинги за прошлый год: у обоих оказался отличный средний балл и не было ни одной низкой оценки за плечами. Оставалось только надеяться, что в этом году ничего не изменится и распределят нас в группы так же, как и всегда на этом курсе.

Кубик не собирался, поэтому я отложил его в сторону и посмотрел налево от себя. Аня продолжала делать вид, что слушает подругу, но мыслями была где-то на другой планете. Привычку отключаться я заметил ещё в лагере на первой нашей общей тренировке. Во время игр и зачитывания вопросов Аня держала фокус, но каждый перерыв покидала физическое тело и подключала голову к космической станции, чтобы дальше выдавать гениальные идеи. Сначала я завидовал этому, а потом научился восхищаться.

Общение с ней делало меня взрослее, даже несмотря на тот факт, что четыре года из пяти меня держали на расстоянии вытянутой руки и лишь на мгновение подпустили ближе. Пока я всё не испортил.

— Ну что, уважаемые, готовы? — Никита Валерьевич поднял голову и осмотрел аудиторию с еле заметной улыбкой. — Теоретическая часть закончилась, с сегодняшнего занятия вы будете работать над проектом в группе по трое. Вы, наверное, уже наслушались страшилок про то, что ваша финальная оценка будет зависеть от перфоманса команды? В реальной жизни результат в бизнесе выдает не один человек, а группа. Поэтому ваша задача — не просто

показать себя, а создать эффективную рабочую динамику, благодаря которой каждый участник будет вовремя сдавать личные задания и с полной самоотдачей вкладываться в командный проект.

В аудитории стояла гробовая тишина. Мы знали, что будет учитываться вклад в группу, но нюанс про контроль личных заданий до сегодняшнего дня оставался за кулисами.

— В этом году я решил немного изменить систему распределения, — сказал преподаватель и сделал паузу, — и дать право случайности выбрать, кто с кем будет в одной тройке.

Я нервно сжал кулаки, переваривая поступившую информацию. Успокаивало лишь то, что на этот курс устраивали конкурс среди всех образовательных программ — безответственные студенты наверняка не прошли бы три этапа отбора. Ведь так?

— Я вписал ваши имена в программу, которую вы видите на экране, — всё внимание устремилось на проектор. — К сожалению, двадцать не делится на три, поэтому у нас будет шесть троек и одна пара. Однако сильно не рассчитывайте на то, чтобы вам досталась пара, потому что ей будет задан самый сложный проект из всех представленных.

Ребята молчали. У нас было одно желание на всех: поскорее услышать фамилии и понять, с кем мы будем плыть в одной лодке.

Никита Валерьевич спросил о готовности и, дождавшись нашего согласия, начал поочередно называть команды.

Каждая фамилия заставляла мой пульс ускоряться, а сердце — шуметь в ушах. Может быть, для кого-то оценка за факультатив не значила ровным счетом ничего, но для меня она была спасательным кругом из океана самобичевания.

В первую тройку я не вошел. Во вторую тоже. Дело дошло до пятой, а рандомайзер все ещё отказывался называть мое имя.

— Шестая тройка, — объявил Никита Валерьевич, продолжая смотреть в экран. Дыхание студентов смешалось с шипением электричества, а я тем временем не слышал ничего, кроме глухого биения сердца. — Адамович Лиза, Михайлов Дмитрий и Косенко Кирилл.

Опять без меня...

Я начал перебирать, чьи фамилии не назвали, но мои вычисления прервали:

— Ну, и наша пара, — впервые улыбка Никиты Валерьевича стала явной и выразительной. — Жданова Анна и Нестеров Михаил.

Я смотрел на две наших фамилии на доске и не верил, что случайность может сыграть в мою пользу. Аня подняла руку, но преподаватель не дал ей слово.

— Меняться нельзя, команды — окончательные. Сегодня на почту вам придет тема проекта, которую я выберу каждой команде, исходя из своих соображений. — Он прокашлялся и только теперь перевел взгляд на Аню: — У вас вопрос?

Она неуверенно спрятала ладонь под парту и покачала головой. Видимо, после его строгого тона она передумала просить о замене участников.

Я смотрел на неё, но Аня ни разу на меня не обернулась. Готов поспорить, что в ее голове разгоралось яростное пламя от осознания того, что нам придётся три месяца работать бок о бок без права на то, чтобы сдать.

Похоже, утреннее обещание держаться от неё подальше, которое я решил выполнить, придётся забрать обратно.

И, честно говоря, не нахожу в себе сил, чтобы этому расстроить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.